

Александр Михайловский
Александр Харников

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИРЛАНДИИ

Путь в Царьград - 6

Ангелы в погонах

Александр Михайловский
Освобождение Ирландии

«Автор, Автор»

2023

Михайловский А. Б.

Освобождение Ирландии / А. Б. Михайловский — «Автор, Автор», 2023 — (Ангелы в погонах)

Русские люди из XXI века, попавшие в XIX век вместе с российской эскадрой, направленной к берегам Сирии, разрушили Османскую империю и на ее обломках построили свое удивительное и таинственное государство Югороссия. После Османской империи наступила очередь Британии, которая сделала все, чтобы не дать Югороссии и Российской империи воспользоваться плодами победы в русско-турецкой войне 1877 года. Но императору Александру III и военному диктатору Югороссии адмиралу Ларионову удалось с легкостью вытеснить британцев из Средиземного моря, захватить Мальту и Гибралтар, обрушив в прах некогда могущественную колониальную державу. Две России – новая и старая – не намерены прощать обид и оскорблений. Они согласны оказать помощь всем, кто выступает против господства англосаксов. Ведь рано или поздно даже тот, кто считает себя хозяином целого мира, должен заплатить по всем счетам. Экспедиционный корпус русских войск под командованием генерала Скобелева отправляется к берегам Персидского залива, а Югороссия готовит народное восстание в Ирландии. Побежденные же в Гражданской войне конфедераты собираются взять реванш за поражение и разгромить янки. Весь мир замер в ожидании событий, которые изменят течение истории, и никто не может предугадать, какой будет расстановка сил. Когда в схватке сталкиваются самые могущественные силы, победит тот, на чьей стороне правда!

© Михайловский А. Б., 2023

© Автор, Автор, 2023

Содержание

Часть 20-я	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Михайловский, Александр Харников Освобождение Ирландии *Путь в Царьград. том 6-й*

Часть 20-я Голос свободы

18 (6) февраля 1878 года. Латеранский дворец, личный кабинет Папы.

Пий IX, Епископ Рима, викарий Христа, преемник князя апостолов, верховный первосвященник Вселенской церкви, Великий понтифик, архиепископ и митрополит Римской провинции, раб рабов Божьих

Пий закашлялся. Эх, не уходит болезнь, не уходит... Еще пара дней, а если повезет, неделя или даже две – и болезнь, мучающая понтифика уже десять лет, прекратит его земное существование и отправит на небеса, прямо к Небесному отцу. В этом Пий был уверен не меньше, чем в том, что солнце встает на востоке и садится на западе.

Но почему Отец Небесный не призвал его в январе, когда, казалось, каждый вздох мог стать последним? Только лишь для того, чтобы сделать последнее, что ему предназначено в этой жизни – не допустить распространения православной заразы, укоренившейся не только в еретических русских территориях, но даже в католических Литве и Польше, находящихся под властью безбожных русских. Ведь Ирландия была областью, которая осталась католической, несмотря на триста лет гонений со стороны последователей безбожного Генриха Восьмого. Папа горько рассмеялся – того самого Генриха Восьмого, который до того получил от папы Льва X титул *Fidei Defensor* – «Защитник Веры»... Именно наследникам этого короля-изверга и должна была помочь в Ирландии булла папы Пия IX. А вступятся ли потом за него англичане, как обещали, папа не знал, но догадывался, что тем сейчас, в общем-то, не до него. Но еще хуже было хоть в чем-то уступить московитам – схизматикам-ортодоксам.

Как рассказали его верные польские духовные чада, в Сибири, в каких-то Тунке и Иркуте триста польских священников со дня на день ожидают лютой казни. Конечно, по словам поляков, ожидают они казни уже не менее десяти лет, и вроде их до сих пор не казнили. Но это уже не так важно. Все равно эти схизматики даже хуже турок.

Положение с делами на Востоке было и без того совершенно нетерпимым для католической церкви. Но чуть больше полугода назад, совсем рядом, в Черноморских проливах, возникла совершенно новая, ужасная угроза для Святейшего престола. Православный крест над собором Святой Софии Папа Пий воспринял как личное оскорбление, а возникновение Югороссии – как воскрешение из небытия павшей под ударами турок Византийской империи, являвшейся самым древним врагом католицизма. Сокрушив Оттоманскую Порту, пришельцы из бездны тут же создали государство православных русских, греков и болгар, распространив свое влияние не только на Балканы и Анатолию, но даже на такие исконно католические территории, как Ирландия и Куба.

Мало было Папе одних русских, чья империя расположилась на одной пятой части суши, так вдобавок к ним объявились и еще одни: сильные, дерзкие, не признающие никаких авторитетов, вооруженные ужасным оружием, и к тому же обеспеченные, как они сами говорят, «покровительством Господа нашего Иисуса Христа». О том, что будет, если верно последнее утверждение, Папе даже не хотелось думать. Тогда Римская католическая церковь должна

будет пасть, как до нее пали утратившие Божье благословение учения Ария, павликиан, монофизитов и манихеев. Нет, с этим надо было что-то делать! Сдаваться без боя Папа Пий не собрался.

Кроме понтифика, в кабинете присутствовал лишь кардинал Джованни Симеони – он сидел за потемневшим от времени письменным столом, согласно преданиям, привезенным папой Григорием IX вместе со старым и весьма неудобным стулом из Авиньона в Рим в 1377 году. На этом древнем стуле, как и множество его предшественников, и восседал в данный момент верный секретарь Папы Пия IX. Сейчас он с тревогой смотрел на Папу – тот редко смеялся вслух, тем более без видимой причины, а смех его, похожий на карканье, мог быть и предвестником предсмертной агонии.

«Да... – подумал Пий, – Джованни есть что терять. Папой его не выберут, он слишком молод, а у нового понтифика, скорее всего, будут свои любимчики».

– Джованни, – сказал он, улыбнувшись уголками губ, – не бойтесь, я пока еще не сошел с ума. Давайте начнем работу над энцикликом.

– Ваше святейшество, – склонил голову секретарь, – не утруждайте себя, я могу и сам написать эту буллу.

– Нет, мой друг, – покачал головой Папа, – это, вероятно, будет моя последняя булла. Поэтому давайте я продиктую вам основные ее положения, а вы сделаете из них полновесную буллу и добавите подробности, какие сочтете нужным.

– Но, Ваше Святейшество... – возразил секретарь, – вам необходимо срочно показаться врачу...

– Дорогой мой Джованни, – грустно усмехнулся тот, – врачи – это люди, которые не пускают меня к моему Небесному Отцу, и к тому же они делают это весьма неумело. Давайте обойдемся без них. Итак, приступим к делу. Начнем мы так: «Ради вящей славы Божией» – «Ad majorem gloriam divinam».

– Я готов, Ваше Святейшество, – кардинал Симеони взял в руки перо и начал писать.

– Итак, первый пункт, – задумчиво пожевав губами, произнес папа. – Некий русский схизматик по имени Виктор объявил себя Виктором Брюсом, потомком короля Эдуарда Брюса. Нет никаких доказательств, что он действительно является таковым. Действительно, откуда в этой еретической России могли появиться потомки благоверного короля? А он именно оттуда. Следовательно, он самозванец, поддерживаемый этими исчадьями ада, от рук которых погибли тысячи невинных католиков.

Пий подумал мельком, что, конечно, не такие уж польские повстанцы и невинные – иезуиты, чьей тайной сети в русских Привислянских губерниях могла позавидовать любая разведка, негласно докладывали, что русские вели себя менее жестоко, нежели сами польские мятежники. И живописуемое поляками массовое убийство польских священников в Сибири – не более чем выдумки польских пропагандистов. Но, тем не менее, православные – самые старые и непримиримые враги Святого Престола. Они уже восемьсот лет не признают над собой главенства и непогрешимость Римских наместников Святого Петра.

– Второе... – откашлявшись, продолжил диктовать папа Пий. – Сей Виктор – православный схизматик, следовательно, враг нашей Святой матери Католической Церкви. Джованни, обоснуйте это как следует. Вспомните отлучение их лжепатриарха Церулария...

– Его отлучил даже не Папа, а всего лишь глава нашей делегации в Константинополе, – усмехнулся тот.

– На что он не имел никакого права, – добавил Пий. – Но кто, кроме нас с вами и пары церковных историков, знаком с подобными мелочами?

– Хорошо, ваше святейшество, – согласился кардинал Симеони, – я найду все необходимые обоснования.

– Третье, – продолжил папа, – некоторые чада нашей святой католической церкви признали сего Виктора законным королем Ирландии.

– Я все понял, Ваше Святейшество, – кивнул секретарь.

– Четвертое. Любой сын католической церкви да не признает сего самозванца королем, под страхом немедленного анафематствования.

Скрип пера на бумаге на мгновение прервался. Симеони робко возразил:

– Ваше Святейшество, но наши английские «друзья» – еще худшие еретики. Ведь православные верят почти в те же самые догматы, что и мы.

– Пятое, – с нажимом сказал папа, словно не слыша, что сказал ему кардинал, – Спаситель сказал, что кесарево кесареви, а Богово Богови. В Ирландии кесарь – королева Виктория. И добрые католики обязаны чтить королеву и ее наместника, а также тех, кто исполняет ее волю. В том числе и ее солдат.

Симеони с удивлением посмотрел на понтифика.

– Ваше святейшество, но именно ее солдаты убивали, калечили и насиловали добрых католиков в Корке на Рождество. И в Ирландии это знают все. Или почти все.

– Конечно, Джованни, – Папа Пий отмахнулся от настырного кардинала, словно от назойливой мухи, – и вы это знаете, и я это знаю, и население Корка, полагаю, это тоже знает. Именно потому нам необходимо подавить мятеж и воцарение сего, с вашего позволения, короля в самом зародыше. Тогда подобные эксцессы не повторятся... Кардинал, я прилягу на часок. Разбудите меня, как только булла будет готова, и я подпишу ее.

18 (6) февраля 1878 года. Куба, Гуантанамо.

Сэмюэл Лангхорн Клеменс, главный редактор «Южного креста»

– Джентльмены, а вот и наш первый номер! – выкрикнули Чарльз и Артур Александер, вбежав в домик нашей редакции с небольшой пачкой газет.

Первым экземпляр Артур протянул мне. Я впился в него глазами. Так-так... Слева – наше «незапятнанное знамя», с косым крестом и звездами на нем. В середине – «SOUTHERN CROSS», большими буквами, а под ним – «Est'd 1878» («создан в 1878 году»), и придуманный мной лозунг: «The rumors of Confederacy's demise have been greatly exaggerated» («Слухи о кончине Конфедерации оказались сильно преувеличены»). А вот, справа – изображение одного из самых ярких созвездий на южном небе – Стух – «Южного креста».

Проводив Оливию и дочурок, я переехал в небольшой домик рядом с редакцией, в самом центре югоросского «яхт-клуба». А вечером Игорь и Надежда пригласили меня к себе посидеть, поговорить о жизни, как это принято у русских. И вот, после великолепного ужина и бутылочки превосходного португальского вина, привезенного «Колхидой» в последнем рейсе, Надежда пошла спать, а мы с Игорем остались сидеть за бутылочкой русской водки. Мне очень не хотелось уходить домой, а Игорь меня не гнал, наверное, сообразив, что мне очень не хочется возвращаться в свое холостяцкое обиталище.

И вдруг он неожиданно посмотрел на часы – уже было за полночь.

– Сэм, – сказал он, – пойдем, я тебе кое-что хочу показать.

Мы вышли на террасу дома (ту самую, где я когда-то нашел свою Ливи в компании с Надеждой), и Игорь указал рукой куда-то в направлении горизонта. Я присмотрелся, и увидел там четыре звезды в форме то ли креста, то ли воздушного змея, и еще одну поменьше между правой и нижней оконечностями.

– Что это? – спросил я.

– Южный крест, – ответил Игорь, – думаю, это будет хорошим названием для твоей новой газеты.

Идея оказалась удачной. Несколько дней редколлегия спорила о логотипе газеты. Но когда я предложил изобразить с одной стороны косой крест нашего знамени, а с другой – вели-

чественное созвездие Южного полушария, Чарльз Александер, один из сыновей моего заместителя Питера Веллингтона Александера, сел за стол и полчаса сосредоточенно работал, после чего теперешний логотип был утвержден единогласно.

А вообще это было, наверное, единственное серьезное разногласие с момента моего приезда. На второй день после прибытия в «яхт-клуб» Игорь отвёз меня в домик, приготовленный для редакции «Южного креста». В нем я нашел с полдюжины молодых ребят, из которых мне были знакомы лишь Генри Уоттерсон и два человека постарше меня. Когда же мне представили моих новых сотрудников, я оторопел. Двое из них – те, которым было за пятьдесят – оказались светилами журналистики Конфедерации: Питер Александер и Феликс Грегори де Фонтейн. А остальные – такие, как вышеупомянутый Генри Уоттерсон, а также Френсис Уоррингтон Доусон, Генри Грейди, Роберт Олстон – считались лучшими молодыми журналистами нынешнего Юга.

Я, конечно, сразу же попытался уговорить Александера (во время войны лучшего редактора Юга да и, вероятно, всех штатов, южных или северных) заменить меня на моем посту. Но тот лишь отрицательно покачал головой.

– Сэм, – твердо произнес он, – я согласился приехать на Кубу только тогда, когда узнал, что именно вы будете нашим главным редактором. Нам нужен человек помоложе, и с таким, как у вас, чувством юмора.

– А когда это было, Питер? – поинтересовался я.

– Перед самым Новым Годом, Сэм, – ответил Питер Александер.

Я оторопел. Тогда я еще и не собирался принять предложение моего друга Алекса Тамбовцева. Похоже, что югороссы знали меня лучше, чем я сам... Или же действительно все дороги ведут в Рим, и рано или поздно я должен был оказаться здесь, на Кубе.

А Феликс Грегори де Фонтейн редактором быть не хотел – он был прирожденным репортером, да еще каким! Как ни странно, но он был родом с Севера, из Бостона. И когда Линкольн отказался выводить гарнизон из форта Самтер в Чарльстоне, Феликс поехал туда освещать это событие. И практически сразу переметнулся на сторону Конфедерации. Его очерки – часто с поля боя или из порядков Армии Конфедерации – стали эталоном военной журналистики даже для северян.

На мой вопрос, кем он себя видит, он только пожал плечами.

– Сэм, – немного помедлив, ответил он, – десять лет назад я бы попросился на войну. А сейчас, увы, я для армии буду только обузой – ноги болят, спина болит, годы уже не те. Но все равно пошлите меня куда-нибудь...

А молодым было все равно, лишь бы им было поинтереснее. И я предложил такую структуру: Питер, Артур и Чарльз останутся в Гуантанамо. Я отправлюсь на Корву и возьму с собой Уоттерсона, Грейди и Доусона. А Феликс с Робертом и парой молодых ребят поедут в Константинополь.

Согласились все, кроме Чарльза. Тот грустно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

А когда я уже собирался отправиться домой, услышал от него:

– Мистер Клеменс, возьмите меня с собой!

Я остановился, обернулся, и Чарльз затараторил со скоростью митральезы:

– Мистер Клеменс, русские дали мне фотокамеру и научили фотографировать, – он показал мне небольшую коробочку. – Мистер Клеменс, возьмите меня с собой на войну!

– А где твоя камера, пластины, как ты будешь все это проявлять? – с недоверием спросил я.

– Пластины для этой камеры не нужны, мистер Клеменс, – ответил Чарльз. – Вот, смотрите!

И он навел ее на мое лицо, нажал на какую-то кнопку, после чего перевернул коробочку. Я обомлел. На задней стенке был изображен ваш покорный слуга – к тому же фото было

цветным! Причем четкость снимка была такой, какую невозможно себе представить на наших обычных камерах.

– А теперь я ее могу напечатать, – гордо сказал Чарльз, – и у вас через несколько минут будет фотокарточка.

– Нет уж, нет уж, такой фотокарточкой только детей пугать... – пробормотал я. – Ну ладно, завтра я поговорю с твоим отцом.

Питер долго сопротивлялся, но в конце концов сдался.

– Другие родители посылают детей в пекло битвы, – сказал он, – а мой пойдет на войну всего лишь журналистом... Только не рискуй его жизнью без надобности, хорошо, Сэм?

– Хорошо, Питер, обещаю, – ответил я. – А пока пойдем, распределим работу для первого нашего номера. Его нам нужно делать особенно тщательно.

У меня уже были готовы статьи «Кровавое рождество» и «Одиссея молодого южанина» – о приключениях Джимми Стюарта. Вместе они занимали четыре полосы из шестнадцати. Де Фонтейн попросился взять интервью у Нейтана Бедфорда Форреста – да, этот человек, которого северная пресса изображала исчадием ада, тоже был здесь. Именно он поведет Добровольческий корпус в бой против англичан. Александер возьмет интервью у Джефферсона Дэвиса; кроме того, он будет вести репортажи о заседаниях воссозданного правительства Конфедерации – в этом ему нет равных. Молодёжь разобрала других членов правительства, а также Игоря Кукушкина. Я решил, что будет лучше, если про него напишу не я – все-таки так уж вышло, что мы с ним быстро стали близкими друзьями. А себе на десерт я оставил Джуду Бенджамина.

Тем же вечером я постучался в двери небольшого домика, такого же, как тот, в котором поселили меня. Идя к Джуде Бенджамину, я ожидал увидеть сторбленного, седобородого старичка-еврея с неизбывной мировой грустью в темных глазах... Но когда дверь открылась, я увидел человека, которому я бы дал от силы лет пятьдесят (на самом же деле мистеру Бенджамину было шестьдесят шесть).

– Марк Твен, разрази меня гром! – воскликнул мистер Бенджамин, увидев меня. – Слышал, слышал, что вы прибыли в наши края! Заходите, заходите, я так рад вас видеть!

И практически раздавил мою руку в своей.

Я прошел внутрь домика, где Джуда усадил меня в кресло и налил мне чего-то очень вкусного.

– Белый сухой портвейн от Тейлора, сэр! – гордо сказал он. – Ни у кого в Гуантанамо его нет, а у меня есть... Я сумел договориться о доставке его на Флореш, а оттуда сюда, в Гуантанамо. Долорес, принеси, пожалуйста, нам чего-нибудь поесть!

Девушка, которая появилась в дверях кухни, заставила меня непроизвольно открыть рот. Грациозная, сероглазая, с черными, как смоль, волосами и чуть смуглой кожей, но без единой негроидной черты на прекрасном лице. Она обворожительно мне улыбнулась и поставила перед нами на стол поднос с фруктами, сыром и ветчиной, сказав с бесподобно милым акцентом:

– Джентльмены, я как раз готовлю ужин... Мистер Твен, вы не откажитесь поужинать с нами?

– С превеликим удовольствием, мисс... – ответил я.

– Долорес. Долорес Ирисарри, – представилась девушка.

– А меня зовут Сэм Клеменс, – сказал я. – Марк Твен – это мой литературный псевдоним. Так речники на Миссисипи, где мне пришлось поработать в юности, называют глубину в два фатомы, или двенадцать футов.

Она еще раз улыбнулась, сделала реверанс и ушла обратно на кухню. Бенджамин посмотрел на меня с чуть виноватой улыбкой.

– Мистер Клеменс... – нерешительно произнес он.

– Зовите меня Сэм, мистер Бенджамин, – ответил я.

– Тогда вы, Сэм, для меня Джуда, – согласился он. – Мистер Клеменс, вы, наверное, слышали, что я женат, и брак мой в последнее время даже стал более-менее счастливым. Но это, наверное, потому, что видимся мы редко, и только в Париже. Долорес – племянница помощника Родриго де Сеспедеса – и с ней я впервые понял, что такое настоящий уют. Когда идешь домой и знаешь, что не будет ни скандала, ни очередных неожиданностей, а всего лишь любовь и уют. А еще она очень умна, я с ней могу говорить и о работе, и об истории, и даже на юридические темы. Я хочу сделать ее первой женщиной-юристом Юга. Многие, конечно, шепчутся за моей спиной, а некоторые даже и пеняют мне: мол, старый развратник, еврей-изменщик...

– Очаровательная женщина... – задумчиво произнес я. – Если вы с ней счастливы, а она с вами, то я не вижу причины вас осуждать.

Джуда посмотрел на меня и вдруг еще раз пожал мне руку – если б я знал об этом его желании, то, возможно попробовал бы ее вовремя убрать за спину, все-таки сила его руки была неимоверной... С другой стороны, я понял, что он мне определенно нравится. И тогда я предложил тост:

– Давайте выпьем за вас с Долорес!

Мистер Бенджамин неожиданно стал серьезным.

– Нет, Сэм, – твердо сказал он, – за это мы еще успеем выпить. Первый тост – за наш с вами многострадальный Юг!

После того, как мы выпили, я оценил вкус прекрасного вина, а потом произнес:

– Джуда, не могли бы вы уделить мне несколько минут перед обедом и рассказать о себе, о том, как вы бежали в Англию, а еще про ваши планы на будущее – для статьи в нашем «Южном кресте»?

Он внимательно посмотрел на меня, вздохнул и начал рассказывать. Говорил он четко, лаконично и весьма занимательно – я слушал его с раскрытым ртом, боясь пропустить хоть слово. Рассказанное им, пусть не столь хорошо изложенное, можно прочитать в моей статье в первом номере «Южного креста».

Но больше всего меня поразила история о том, как он тогда бежал с Юга, когда все остальные твердо решили положиться на обещания янки (я вдруг с удивлением обратил внимание на то, что и сам я про себя обзываю всех северян так, хотя, конечно, настоящие янки – это жители Новой Англии и Коннектикута, в частности, те, среди которых я прожил последние несколько лет).

– Ну, я и подумал тогда, что слишком уж моя физиономия всем знакома, – рассказывал мистер Бенджамин, – ведь мой портрет зачем-то поместили на двухдолларовую бумажку, как я ни сопротивлялся этому... Ведь меня вполне могут опознать и, возможно, выдать янки. Ну, я и нашел выход. Моим кузеном был цирюльник в Аббевилле в Южной Каролине, последнем оплоте Юга. Вот я ему и говорю: «Сэм (его зовут так же, как и тебя), подстриги меня так, как сейчас стригутся во Франции». А он мне и отвечает: «Так откуда я знаю, как они там ходят...» С грехом пополам нашли мы французский журнал пятилетней давности. Он положил его перед собой и начал стричь меня. И подстриг – выбрил все, кроме бакенбардов, и одежду почти такую же нашел – его тесть работал старьевщиком там же, в Аббевилле... Я на радостях оставил ему почти все деньги. А он мне еще все говорил, мол, ты что, дурак, тебе они больше будут нужны. И все удивлялся – дескать, ерунду ему говорили, что все евреи скупердяи... Пришлось сложить все в узелок и оставить ему записку, что, мол, пусть возьмет себе все это и передаст часть другой моей родне. Оставил я себе ровно столько, чтобы до Англии добраться – там-то, как мне казалось, я всяко встану на ноги... Купил билет третьего класса на юг, во Флориду. Когда со мной хотели заговорить в поезде – отвечал по-французски, мол, «же не парль па англе» – не говорю по-английски... А когда напротив меня устроился мулат из Луизианы, у которого французский был родной, тот мне он сразу сказал, мол, сразу видно, что ты не наш, а француз из метрополии, у нас говорят не совсем так... Конечно, зря я тогда в Париже переучивался с

луизианского диалекта на парижский. Уже во Флориде, на подходе к станции Монтичелло, я услышал, что на следующей станции – Мадисон – стоят янки и всех пассажиров проверяют. Ну, я и сошел в Монтичелло, купил там лошадь и отправился к Арчибальду Мак-Нилу, которому тогда принадлежала плантация Гэмбл в Эллентоне. Я его лично не знал, но был наслышан о нем. Мак-Нил был контрабандистом, ходил часто, то на Кубу, то на Багамы, а после начала войны стал патриотом и поставлял армии оружие и боеприпасы, купленные то у испанцев, то у англичан на Багамах. Не забывая, конечно, и о себе. Приезжаю я к нему, подумав про себя, что, мол, возьмет он и сдаст меня янки. А тот, увидев меня, обрадовался и сказал: «Мистер Бенджамин, добро пожаловать!» Я удивился: «Капитан Мак-Нил, вы меня сразу узнали...». А он отвечает: «Работа у меня такая, знаете ли... Думаю, большинство из ваших знакомых вас точно бы не узнали. А для меня, хоть и побрились вы и постриглись, а все равно выглядите как двухдолларовая бумажка! Вам куда – на Кубу или на Багамы?» Я говорю: «На Багамы... У меня есть кое-какие деньги». Он отвечает: «Договорились. Возьму по-божески – все-таки не каждый день видишь члена нашего правительства... И вот еще что... Есть вероятность, что нас все-таки остановят – поэтому вы будете официально Мозесом Розенбаумом – коком на моем корабле. Не бойтесь, работать вам не придется, у меня есть другой кок...» При проходе через Флоридский пролив нас и правда остановили, но, увидев, что корабль везет груз табака, решили отпустить, хотя один матрос-янки сказал, узнав, что я еврей: «Первый раз в жизни вижу еврея, который занимается физическим трудом!». Так мы добрались до Нассау – это на Багамах. Но там меня наотрез отказались пускать на любой корабль, идущий в Англию, сообщив мне, что они боятся, что таким образом какой-нибудь высокопоставленный южанин бежит от правосудия янки, и если это станет известно янки, то у них будут проблемы. И я вместо этого пошел в Гавану. Денег оставалось очень мало, и я нанялся кочегаром – таким образом, я и на самом деле стал евреем, занимающимся физическим трудом... А в Гаване я смог уговорить капитана одного корабля, отправлявшегося в Ливерпуль, что я его буду учить французскому языку, и он скостил цену вдвое. Так что денег у меня едва хватило... Но по дороге, у Сент-Томаса, корабль загорелся, и я, как и все, помогал его тушить. В общем, прибыл я в Англию в прожженном сюртуке и практически без денег... Ничего, кое-как я выкрутился, и даже смог и далее содержать свою семью...

Тут пришла Долорес и сказала:

– Джентльмены, ужин готов.

После еды она покинула нас, а мы сели побаловаться кофе и коньяком на террасе домика.

– Джуда, а каким ты видишь будущее Юга? – спросил я.

– Знаешь, Сэм, – ответил тот, чуть подумав, – когда-то Джордж Вашингтон с компанией совершили революцию, надеясь создать страну, где все будет для блага народа, и которая будет жить в гармонии со всем миром. Вместо этого получилась форменная тирания. Более того, мы бы не победили без французов – и оказались весьма неблагодарными по отношению к ним. Я считаю, что мы должны попробовать построить общество, в котором каждый будет счастлив. И мы всю жизнь должны помнить о том, что без русских у нас ничего не получилось бы. Вот так, в общих чертах... Есть, конечно, проблемы – мы должны, как мне кажется, позаботиться о тех, с кем мы так жестоко обошлись – с индейцами. Мы должны поспособствовать в возвращении нашего черного населения на их африканскую родину, для чего нам необходимо будет выкупать там земли, финансировать строительство городов и плантаций, и, наконец, потом торговать с ними. Но первым шагом должна стать наша независимость, которой мы, как я надеюсь, добьемся с помощью наших русских друзей. И за это я готов отдать все, что имею. Кроме, конечно, дочери и Долорес.

20(8) февраля 1878 года. Югороссия. Константинополь.

Командир 13-го Нарвского гусарского полка Александр Александрович Пушкин

После моего предрождественского визита в Константинополь я вместе с полковником Лермонтовым вернулся в свою дивизию носящую несчастливый тринадцатый номер. По дороге я все время думал о том, что рассказала мне Оленька. А именно – о ее женихе Игоре Синицине и о том, что он делает на Кубе. За время моего пребывания в Константинополе я встретил еще несколько своих знакомых, и их рассказы подтвердили мои подозрения.

Действительно, в самое ближайшее время в Ирландии начнется восстание против власти британской короны. Первой ласточкой стали беспорядки в Корке, где в канун католического Рождества английские солдаты учинили зверскую расправу над местными жителями. Какая гнусность – убивать ни в чем неповинных людей, насиловать женщин и сжигать их жилища только потому, что они ирландцы. Все случившееся вызвало у меня сильное желание отправиться в Ирландию волонтером, чтобы принять участие в борьбе жителей этого многоотрадного острова с их угнетателями.

Но как это сделать? Ведь я человек военный, и не могу вот так, сразу, взять и бросить свою часть, отправившись на другой конец света. На то надо получить разрешение самого государя. Отправить письменное прошение на его имя? Зная нашу канцелярскую волокиту, я был уверен, что ответ на мое прошение я могу получить из Военного министерства не ранее чем через месяца два-три. А к тому времени, может, в Ирландии все и закончится. Так как же мне быть?

И тут я вспомнил то, что Ольга рассказывала мне о канцлере Югороссии, Александре Васильевиче Тамбовцеве. С ее слов, этот достойный уважения человек принимает большое участие в судьбе моей дочери, заботится о ней. Может быть, есть смысл попросить его помочь мне побыстрее отправиться в Ирландию.

Я знал, что у югороссов есть специальные аппараты для связи, вроде беспроводного телеграфа, с помощью которых они могут легко обмениваться телеграммами с Петербургом. Господин Тамбовцев, возможно, пойдет мне навстречу и отправит телеграмму с моим прошением напрямую к императору. Конечно, это нарушение субординации, но иного выхода я не видел. Значит, мне надо снова попасть в Константинополь и попробовать переговорить с господином Тамбовцевым.

Воспользовавшись первой же оказией, я выехал в Константинополь, где напрямик отправился в госпиталь МЧС. Увидев меня, Ольга завизжала от радости, но я, переговорив с ней для приличия минут десять о том о сем, попросил дочку найти возможность и устроить мне встречу с канцлером Югороссии.

Ольга, которая после моих слов немного обиделась на меня за мою холодность, и даже надула свои прекрасные пухленькие губки, поняв, видимо, что у меня действительно имеется важное дело к господину Тамбовцеву, кивнула и, попросив немного обождать, вышла из своей комнатухи. Я же прилег на кушетку в ее комнате и незаметно для себя задремал.

Проснулся я от того, что кто-то тряс меня за плечо. Открыв глаза, я увидел донельзя довольную Ольгу.

– Папа, – сказала она, – господин Тамбовцев велел передать тебе, что он будет очень рад увидеть прославленного воина, сына великого русского поэта. Он сейчас в парке – это недалеко от госпиталя. Идем быстрее туда, не стоит заставлять ждать такого уважаемого и занятого человека.

Я быстро привел себя в порядок, и с некоторым волнением отправился вместе с Ольгой в хорошо знакомый мне парк. Там на одной из скамеечек сидел пожилой седовласый мужчина, одетый, как и многие югороссы, в пятнистую военную форму без погон. Он задумчиво смотрел куда-то вдаль, и заметил нас с Ольгой лишь тогда, когда мы подошли к нему совсем близко.

– День добрый, Александр Александрович, – первым поприветствовал он меня, – я давно мечтал познакомиться с вами, только вот все никак не мог найти для этого времени. А вот с вашей дочерью мы старые друзья. Она замечательная девушка, большая умница и, как мне кажется, в будущем может стать хорошим врачом.

Мне было приятно услышать добрые слова, сказанные югоросским канцлером о моей любимой доченьке. В свою очередь, я поблагодарил господина Тамбовцева за заботу, которую он оказывает Ольге. После обмена комплиментами, Александр Васильевич предложил мне присесть рядом с ним, и выразительно посмотрел на Ольгу, переминавшуюся рядом с ноги на ногу. Та сразу все поняла, и, извинившись, отправилась по своим делам.

Когда ее белый сестринский халат скрылся из виду в глубине аллеи сада, господин Тамбовцев вопросительно посмотрел на меня. Сейчас он уже не был похож на добренького дедушку, гревшего свои косточки на лавочке в саду. От его взгляда мне стало немного не по себе. Я вздохнул, словно перед прыжком в воду, и начал излагать ему свою просьбу.

– Александр Васильевич, – сказал я, – до меня дошли слухи, что с помощью Югороссии ирландские инсургенты готовятся начать борьбу за освобождение своей родины от британского владычества. Это так?

Он, глядя мне в глаза, кивнул своей лысеющей головой и ответил:

– Да, Александр Александрович, слухи эти соответствуют истине. Мы действительно оказываем помощь ирландским патриотам в их борьбе. Естественно, Югороссия не афиширует это, хотя мы находимся в вооруженном противостоянии с Британией. Вы ведь слышали, что не так давно наши войска захватили английскую твердыню на Средиземном море – неприступную крепость Гибралтар. Но война с британцами продолжается. Вполне естественно, что враги Туманного Альбиона тут же становятся нашими друзьями. Это что касается ирландских патриотов.

– Но, Александр Васильевич... – я почувствовал, что хотя он говорит со мной вполне откровенно, но все же о чем-то умалчивает, – как я слышал, некоторые офицеры Русской императорской армии в качестве волонтеров отправились куда-то в район Вест-Индии, чтобы там присоединиться к инсургентам.

Канцлер хмыкнул и покачал седой головой.

– Правильно говорил когда-то папа Мюллер: «Что знают двое, то знает и свинья»... Я не буду у вас выпытывать, Александр Александрович, от кого вы узнали такие подробности, а лишь попрошу вас больше никому не говорить о том, что вы мне только что сказали.

Я не стал спрашивать у него, кто такой «папа Мюллер». Понятно было, что это какой-то немец, но как я слышал, Мюллеров в Германии полным-полно.

– Александр Васильевич, – ответил я, – я все прекрасно понимаю, и буду нем как рыба. Но мне хотелось бы стать одним из волонтеров и вместе с ирландцами сразиться с англичанами. Если мы пришли на помощь болгарам, которых безжалостно истребляли турки, то почему бы нам не помочь и бедным ирландцам?

Он внимательно посмотрел на меня.

– Александр Александрович, вы понимаете, что наши волонтеры отправляются не на загородный пикник, а на войну. А там стреляют и, бывает, убивают.

Кровь бросила мне в лицо. Неужели канцлер Югороссии считает меня трусом?! Меня, боевого офицера, не рад смотревшего в лицо смерти!

Господин Тамбовцев, видимо поняв, что невольно обидел меня, извинился за свои слова и одобрительно похлопал меня по плечу.

– Не сердитесь, Александр Александрович, – примирительно произнес он. – Я вижу, что вы тщательно обдумали все, прежде чем обратиться ко мне с такой просьбой. Я готов вам помочь. Напишите прошение на имя государя и отдайте его мне. Обещаю сегодня же передать его в Петербург. А я уж походатайствую за вас перед императором. Думаю, он мне не откажет...

А вы пока можете на пару дней остановиться в нашей гостинице при дворце. Отдохните, еще раз обдумайте все, поговорите с вашей дочерью. Помните только, что ей не стоит знать, о чем мы с вами сейчас беседовали. А я свяжусь с командиром вашей дивизии бароном Раденом и предупрежу его, что вы немного у нас задержитесь. Если же ваш вопрос будет решен положительно, я обещаю, что с первым же транспортом, следующим в Гавану, отправлю вас туда, где готовятся отряды инсургентов. Кстати, там вы сможете познакомиться с женихом Оленьки.

Господин Тамбовцев встал со скамейки, показывая, что наша беседа закончилась. Я знал, что у него сегодня ждет еще немало дел, и попрощался с ним, поблагодарив за обещанную помощь.

Он отправился во дворец, а я – к своей любимой дочери, которая, как я знал, с нетерпением ждала меня в своей комнатке при госпитале МЧС.

22(10) февраля 1878 года. Полдень. Басра.

Полковник Вячеслав Николаевич Бережной

Басра и Бендер-Аббас, где сейчас обосновался наш флот – две ключевые точки, позволяющие контролировать богатый нефтью и природным газом Персидский залив. Нет никаких сомнений, что научно-техническое развитие в этом варианте истории будет резко ускорено, и все это богатство будет востребовано куда раньше, чем в нашем прошлом. Так что «что с бою взято, то свято» или же «куда ступила нога русского солдата, то уже наша земля». И обосновываемся мы в Басре если не на века, то, во всяком случае, надолго.

Басра, Бендер-Аббас и в недалеком будущем Цейлон – это всего лишь меры, позволяющие России твердо встать на берегу Индийского океана, как она уже стоит на берегах Атлантического и Тихого океанов. Устье реки Шатт-эль-Араб, образующейся при слиянии Тигра и Евфрата – это не только богатейшие нефтяные месторождения, но и важнейший в регионе узел транспортных коммуникаций, где пересекаются торговые пути из Персии в Аравию и из Персидского залива, то есть Индии и Китая, в Сирию, а затем в Европу.

После нашего вмешательства в местную историю рухнули политические барьеры, и в Европе, хотя тамошняя пресса и подняла истошный крик по поводу «русской угрозы всеми цивилизованному миру», никто из политиков всерьез не намеревался мешать нам двигаться в выбранном направлении. После падения Суэца, Мальты и Гибралтара они гадают, куда направятся эти загадочные русские.

Поскольку Басра и ее окрестности попали в нашу сферу влияния, то поддержание порядка на этой территории стало нашей первоочередной обязанностью. Это означало, что мы должны бороться со всякого рода бандитами и пиратами, которых на любом торговом пути и в обычное время более чем достаточно. А если учесть, что разбежавшиеся остатки разгромленного воинства Насыр-паши шляются с оружием в окрестностях Басры, то криминогенная обстановка была напряженной. Впрочем, разбоем занимались не только турецкие дезертиры, аравийские бедуины и местные люмпены, но и куда более респектабельные персоны, о которых ничего подобного и подумать было нельзя.

Борьбой с бандами в зоне нашей ответственности занимались преимущественно казацки разьезды: не пешим же патрулям гоняться за разбойниками, легко уходившими от погони на резвых арабских скакунах. При этом порой случались истории покруче, чем описанные неизвестным сказителем в «Тысяче и одной ночи». И мне довелось стать участником одной из них...

А дело было так. Рано утром, едва над горизонтом поднялось солнце, один из кубанских казачьих разьездов, патрулировавших левый берег Шатт-Эль-Араба, услышал звуки выстрелов на дороге, ведущей к ближайшему от Басры городу Мохаммера. Кубанцы, вдоволь повоевавшие во время Балканской кампании, к звукам стрельбы отнеслись с предельной серьезностью. То есть, согласно инструкции, старший разьезда достал из клетки, притороченной к

седлу, почтового голубя, прикрепил к его лапке спешно написанное донесение и подбросил его в воздух. Птица понеслась к адресату, а кубанцы тем временем спешили и, передав поводья коноводу, укрылись за кучами камней у обочины дороги, приготовившись отразить нападение неведомого неприятеля.

Несколько минут спустя из-за поворота дороги прямо на них галопом выскочил тонконогий рыжий арабский скакун с развевающейся черной гривой, на котором сидел худощавый черноволосый юноша, одетый в платье для конных прогулок, в каком обычно путешествуют по здешним краям путешественники из Европы. Следом за всадником выскочила дюжина вооруженных лиц самого разбойного вида на разномастных конях местной бедуинской породы. Обернувшись в седле, беглец на полном скаку дважды выстрелил в преследователей из револьвера, а потом сунул его в седельную кобуру.

Казакам стало все понятно: местные разбойники гонятся за путешественником-европейцем. Впрочем, даже если бы тот и не был европейцем, инструкция была однозначна – в своей зоне ответственности порядок следует обеспечивать любыми способами. Местные «романтики с большой дороги» за два месяца уже успели это понять, а эти бандюганы, похоже, были залетными, не знакомыми с местными порядками. Знай они наши суровые нравы – и близко бы не подошли к линии русских разъездов.

Командовавший разъездом младший урядник Платон Хряпов дал команду, и залп с колена почти в упор из восьми кавалерийских «берданок» вымел из седел с полдюжины опешивших от неожиданности башибузуков. Потом, забросив за спину карабины, казаки вскочили в седла, обнажили шашки и бросились на врага. Конь беглеца, доскакав до них, замер как вкопанный на дрожащих ногах, а коновод тут же схватил его поводья и принялся водить животное по кругу, чтобы оно не запалилось.

Разбойники, в мгновение ока превратившиеся из охотников в дичь, в первый момент оторопели и стали натягивая поводья, чтобы пуститься в бегство. Но казаки не дали им скрыться. Они превосходили врага и числом, и умением, и боевой яростью. К тому же кубанцы сидели на свежих лошадях, разбойничьи же были изрядно утомлены бешеной скачкой. Сабельная рубка была короткой и жестокой. Насмотревшись на жестокости местных бандитов, казаки пленных не брали.

Когда все было кончено, казаки, спешившись, вытерли окровавленные шашки об одежду убитых и, вложив клинки в ножны, стали обыскивать трупы бандитов и ловить коней, лишившихся своих хозяев.

Юноша, с бледным лицом и выпученными глазами наблюдавший за схваткой, вскоре вышел из ступора и разразился длинной тирадой на непонятном языке, указывая при этом рукой в направлении, откуда он появился несколько минут назад.

– Хранцуз, что ль? – удивленно переспросил его младший урядник, не понявший ни одного слова из сказанного. – Ну, погоди, мусью, чичас прискачет мангруппа и их благородие господин сотник. Тогда и разберутся.

Между тем в цитадели Басры царила суэта. Голубь с депешей еще не успел прилететь, но тревогу поднял телефонный звонок с блокпоста у наплавного моста. Крупные банды в окрестностях города стали редким явлением, но все же появлялись время от времени, так что к стрельбе с утра пораньше мы с Михаилом Дмитриевичем отнеслись серьезно. Кроме поднятой по тревоге кубанской полусотни под командование сотника Долгова, в мангруппу, выступившую к месту происшествия, вошло отделение наших бойцов при двух тачанках с пулеметами «Печенег». Да и я не усидел в штабе – захотелось немного размяться.

Примерно через час после того как началась стрельба, мы со всей честной компанией конно, людно и оружно прибыли к месту, где разъезд кубанцев уничтожил группу бандитов.

– Докладывай, Хряпов, – сказал сотник Долгов, спешившись рядом с группой казаков, – что тут у вас такое случилось?

Увидев перед собой, кроме своего непосредственного начальства, еще и меня, младший урядник вытянулся во фронт.

– Так что, ваше высокоблагородие господин полковник, – сказал он, кивая на чернявого молодого человека в европейском костюме для верховой езды, – вот, хранцуза спасли. Удирал он, значит, от башибузуков, и наскочил прямо на нас. Ну и мы не зевали. Положили всех нехристей как миленьких, те даже удрать не успели.

Едва младший урядник закончил докладывать, молодой человек разразился длинной тирадой. Если отбросить все эмоции, то в переводе на русский язык сказанное им звучало примерно так:

– Месье офицеры, меня зовут Жак. Мы с отцом купцы, торгуем персидскими коврами. Сегодня ночью недалеко отсюда на наш караван напали разбойники. Все наши люди погибли или попали в плен. Мне же посчастливилось бежать от них, застрелив нескольких злодеев из своих револьверов. Мой верный конь спас меня, выбежав прямо на ваших храбрецов, которые во мгновение ока перебили преследователей. Но, месье, мой бедный отец остался там, в нашем лагере. Ради всего святого, спасите его! Мы люди не бедные, и сумеем вознаградить вас за наше спасение.

– Вячеслав Николаевич, – шепнул мне на ухо есаул Долгов, – готов биться об заклад, но этот юноша – переодетая в мужское платье девица. Уж я-то, отец двух дочерей, в этом немного разбираюсь.

Я внимательно посмотрел на месье Жака, и мне тоже показалось, что это, скорее, мадмуазель Жаклин. Движения его были не совсем похожи на мужские, на покрытых загаром щеках не было видно ни одного волоска, да и голос оказался подозрительно высок для мужчины.

– Владислав Феофилактович, – ответил я есаулу, – девица это или юноша, мы разберемся чуть позднее. А сейчас дайте своим людям команду «По коням». Если в окрестностях Басры появилась крупная банда, нападающая на купеческие караваны, то наш с вами долг – уничтожить ее, чтобы обеспечить безопасность и нам, и местным жителям.

22(10) февраля 1878 года. Полдень. Левый берег реки Шатт-Эль-Араб. 10 верст юго-восточнее Басры.

Французская подданная Жаклин д'Этьен

Мой отец, Луи Эжен д'Этьен, был умным и рассудительным человеком. Основным его занятием была торговля с Востоком. Он покупал у арабов ковры, шелка, пряности и разные экзотические вещицы, которые в Европе пользовались большим спросом. Иногда он шел на риск, чтобы забраться туда, куда никто из его коллег по торговому ремеслу не забирался. Все наши предприятия до сих пор заканчивались вполне успешно...

Так уж случилось, что я уже без малого семь лет сопровождала своего отца в его торговых странствиях. Моя мама умерла, когда мне было шесть лет. Все, что я запомнила – это ее ласковые руки и нежный, мелодичный голос, когда она пела мне песни, укладывая спать...

После смерти матери отец был вынужден отдать меня на воспитание нашим дальним родственникам, жившим в окрестностях Марселя, поскольку, занимаясь торговлей с Востоком, он постоянно был в разъездах. Две тетki, мамины сестры, совсем не были похожи на мою милую мамочку – эти сухие, чопорные и до невозможности набожные и благочестивые дамы, осколки рухнувшей под ударами пруссаков Второй Империи, имели физиономии восковых статуй и холодные, как у рыбы, глаза.

Кичась безупречностью своих манер, они с остервенением пытались превратить меня в свое подобие, называя все это «воспитанием настоящей дамы». Но, увы, их старания оказались напрасными...

Я росла замкнутым и нелюдимым ребенком, ни в какую не желая становиться «настоящей дамой». И за четыре года, что я провела в их обществе, преуспела лишь в том, что вызвала у

своих добропорядочных тетушек стойкую неприязнь к себе. Стены большого дома давили на меня, а одиночество и отчуждение заставляли искать общение вне их дома.

Это было тяжелое время Великих Перемен. Седан, Мец, пленение Императора, осада Парижа и последовавшая за этим Парижская и Лионская коммуны, всколыхнули затхлый мир вокруг меня и, как мне казалось, принесли, в мою жизнь глоток свободы. По счастью, до сельской местности, где проживали мои тетушки, не дошла ни прусская оккупация, ни отряды коммунаров из Лиона.

При каждом удобном случае я удирала из дома. Вокруг был мир, полный приключений и интересных людей... Я подружилась с крестьянскими детьми – до чего же здорово было играть с ними в разные веселые игры, вместо того, чтобы читать нудные книжки и зубрить правила хорошего тона. А больше всего мне нравились мальчишеские забавы. Я даже сделала себе рогатку, которую мне долгое время удавалось прятать от всевидящих глаз тетушек. Потом они все же нашли ее, после чего моя рогатка была торжественно сожжена в камине. Сие действие сопровождалось сокрушенными вздохами и нудными нравоучениями.

Словом, я росла настоящим сорванцом, а душа моя томилась в ожидании приезда любимого папочки... Отец приезжал редко, один-два раза в год, и каждый раз я со слезами умоляла его забрать меня с собой. Но он только печально вздыхал и качал головой. Но однажды, в один из его приездов (это было в мае 1871 года, когда мне уже исполнилось десять лет) он после долгого разговора с тетками за закрытыми дверьми вышел какой-то взъерошенный, с горящими глазами, и коротко бросил мне: «Собирайся, ты поедешь со мной».

Надо ли описывать чувства, которые я испытала в тот момент... Уже потом, когда я немного повзрослела, отец поведал мне, как сильно он переживал за меня, видя, что мне приходится несладко с тетушками. Но что он мог поделать? В тот приезд тетки решительно заявили, что не могут со мной справиться, что я ужасный и непослушный ребенок, и пусть он или отдает меня в пансион, или забирает с собой, а их терпению настал предел.

Отдавать меня в пансион отец категорически не хотел. И после долгих и мучительных раздумий он все же решился на авантюру, которая заключалась в следующем: я должна была стать... мальчиком.

Там, на Востоке, где отец вел свои дела, было в порядке вещей, когда купец брал в путешествие сына, чтобы с малолетства обучать его торговому ремеслу. Перевоплощение далось мне легко. Я всегда ужасно завидовала мальчишкам. В моих глазах они более свободными и могли делать что хотят. С улыбкой и безо всякого сожаления я смотрела, как отец остригает мои волосы.

Потом я достала из свертка, принесенного отцом, мужскую одежду. Вскоре я увидела в зеркале настоящего мальчишку... Короткие черные кудри обрамляли узкое смуглое лицо, сжатые упрямые губы и взгляд исподлобья дополняли эту картину. То, что я увидела, очень мне понравилось и наполнило сердце ликованием. Я буду путешествовать с папой, помогать ему в делах, я увижу дальние страны...

– Никто – слышишь, никто – не должен знать, что ты девочка, – шепнул отец, наклонившись ко мне, – иначе нам с тобой будет очень плохо. На Востоке к женщинам особое отношение...

Непонятные для меня тогда слова папы дали мне понять, что все сказанное им действительно серьезно, и я поклялась никогда никому не открывать свою тайну... Затем отец дал мне несколько советов о том, как я должна вести себя, чтобы никто ничего не заподозрил.

Последующие годы я провела почти исключительно среди мужчин. Поначалу я воспринимала все как интересную игру, захватывающее приключение. Я многому научилась. Я так вжилась в свою роль, что стала ощущать себя парнем и начала рассуждать по-мужски. Моими новыми игрушками стали два шестизарядных револьвера системы Лефоше и охотничий нож.

Отец учил меня стрелять, говоря, что в этих диких краях каждый должен уметь за себя постоять.

По прошествии нескольких лет, по мере моего взросления, я, слушая порой довольно откровенные разговоры окружающих, смогла сделать некоторые заключения о взаимоотношениях мужчин и женщин. Полученные знания пугали меня. Я пришла к выводу, что быть женщиной – плохо, опасно и чуть ли не позорно. И когда у меня начала расти грудь, во мне поселилась тревога... Я понимала, что когда-нибудь это должно было случиться, как понимала и то, что однажды мне неизбежно придется снова стать женщиной.

Я все чаще ловила на себе тревожный взгляд отца. А по ночам я почему-то стала плакать – странное, незнакомое чувство одолевало меня. С тоской я думала о том, что совсем не знаю, что это такое – быть женщиной...

– Сделай меня настоящим мужчиной! – горячим шепотом втайне молила я Господа, понимая в глубине души, что даже Он не может помочь мне в этом.

Как я уже говорила, мой отец был человеком разумным и осторожным. Но в этот раз, похоже, он не оценил все риски... А ведь нас предупреждали, что в тех краях пошаливают разбойничьи банды. Но другого выхода не было: товар в Персии был уже закуплен, и мы должны были доставить его в Европу. В противном случае нам грозило разорение. К тому времени обычные торговые пути через север Персии, Армению и Трапезунд были закрыты войной, которую русский царь объявил турецкому султану ради свободы каких-то там болгар.

Когда началась война русских с турками, мы с отцом находились в Марселе, собираясь в очередной вояж в Персию. Внезапное падение Стамбула и появление чуждой нашему миру Югороссии вызвали общее смятение в Европе. Особо гнетущее впечатление это событие произвело на нашу милую Францию. Поговаривали даже, что, взяв Константинополь, русские непременно решатся отомстить нам за Восточную войну и превращенный в руины Севастополь – будто нашей милой Франции было мало позора Седана и краха Империи.

Русские вскоре захватили Суэцкий канал, перерезав торговлю с Востоком, и отец долго колебался, решая, отправляться ли ему в очередной вояж или немного подождать. Потом, к началу осени, все успокоилось, и отец все же решил ехать. Как выяснилось, заняв Суэц, русские продолжали пропускать через него торговые корабли под всеми флагами, кроме английских. Товар, который мы должны были доставить в Персию, уже лежал на складах, и медлить было нельзя.

Возможно, что это было не самым лучшим решением, и поступи мой отец по-иному, скорее всего, он остался бы жив. Когда в середине декабря мы с огромными трудностями добрались до Исфахана, выяснилось, что вся Персия охвачена смутой и мятежом, а с севера в ее пределы вступил со своим Персидским корпусом ужасный русский генерал Скобелев, по прозвищу Ак-Паша.

Правда, смута помогла нам обогатиться. Отец быстро и по высоким ценам распродал все привезенные им европейские товары, и, напротив, очень дешево закупил большое количество шелка, ковров и восточных благовоний, которые теперь надо было доставить в Марсель.

А вот с этим оказалось все не так просто. Русские, которых мой отец со времен Восточной войны считал врагами, к тому времени по приглашению Персидского шаха заняли уже Бендер-Аббас и другие персидские порты. Путь же через Табриз и Армению, как я уже говорила, был перекрыт русской Кавказской армией. Оставалась одна дорога – сперва до Басры, а потом вверх по Евфрату в Сирию, и далее до любого из средиземноморских портов, имеющих торговые связи с Францией.

Но в конце декабря русский Персидский корпус взял Басру, и мы со своим товаром снова оказались в ловушке в иранском городе Мохаммера. Потом один человек пообещал отцу провести его караван по горным тропам в обход русских постов, и мой отец согласился, подписав тем самым свой смертный приговор. Охрана нашего каравана была невелика, а ценность

товара, если бы удалось доставить его в Европу – огромной. Мы с отцом уже видели себя богатыми людьми. Но все это оказалось миражом...

На нас напали на рассвете, на третий день после нашего выхода из Мохаммеры. Как я поняла, проводники оказались в сговоре с разбойниками. Мне еще никогда не доводилось пережить такого страха... Люди, со свистом и дикими криками внезапно напавшие на наш лагерь, выскочив из-за холма, имели устрашающий вид и, конечно же, самые ужасные намерения – ограбить нас и убить. Они сразу принялись стрелять по нашему каравану, и я слышала, как пули с мерзким, леденящим душу свистом пролетают над моей головой...

Наши люди выхватили оружие, но нашему маленькому отряду было не справиться многочисленной бандой жестоких и опытных убийц... Когда они настигли нас, началась резня. Несколько наших людей пустились в бегство. Я видела, как героически сражается мой отец – он махал саблей направо и налево, отбиваясь от нападавших.

– Беги, Жак! – крикнул он мне. – Спасайся!

Я увидела, как мой отец упал, сраженный ударом.

– Нет! Нет! – закричала я. – Отец!

Первым моим побуждением было броситься на помощь отцу, но я поняла, что это бессмысленно. Несколько головорезов, гадко скалясь, уже повернули своих коней в мою сторону. Я прищпорила свою лошадь, поскакав куда глаза глядят. Потом оказалось, что я направилась в сторону занятой русскими Басры...

Пули свистели над моей головой, и, отстреливаясь на ходу, я удирала от погони, мчась во весь опор, не разбирая дороги. Уроки стрельбы, которые дал мне отец, не прошли даром: выпустив двенадцать зарядов из двух моих револьверов, парочку мерзавцев я все-таки пристрелила. Но погоня продолжалась. Разбойники были упрямы и во что бы то ни стало хотели меня убить.

Все кончилось неожиданно. Мои преследователи были уже совсем рядом, когда дорога свернула прямо на заставу русских *cosaques*, которые поприветствовали бандитов залпом из восьми ружей в упор, а потом, вскочив в седла, саблями изрубили уцелевших на мелкие куски. Против этих здоровенных бородатых монстров на свежих конях, способных одним ударом разорубить человека от плеча до паха, у разбойников не было никаких шансов. Конь мой, запаленный в скачке, встал как вкопанный, когда его поводья ухватила сильная рука.

Помня ужасные рассказы отца, участвовавшего в молодые годы в осаде Севастополя, я уже думала, что попала из огня да в полымя. Но *cosaques* по отношению ко мне вели себя вполне доброжелательно. Вот только одна беда: они не понимали ни одного моего слова, а я не понимала их. Перезарядив свои револьверы, я стала выгуливать своего коня, чтобы он не пал, запалившись от скачки.

Примерно через час прискакали еще с полсотни таких же *cosaques*, а также две подресоренные брички с пешими солдатами. Старшим над всеми ними был немолодой сухощавый офицер, прямой как кавалерийский палаш, и жилистый как старое воловье мясо. Коротко переговорив со стоявшими на заставе *cosaques* и выслушав мой рассказ о нападении разбойников, он глянул на меня своими пронзительными глазами. Краска залила мои щеки. Меня мучил вопрос: догадался ли он, что я девушка?

Но офицер, отвернувшись, отдавал команды, намереваясь вместе со своим отрядом атаковать разбойников. Мне предоставили место в бричке рядом с офицером, а конь, спасший мне жизнь, мог бежать рядом налегке. Я даже слегка ослабила подпругу, чтобы моему верному другу было легче дышать. Конечно, я надеялась, что разбойники захватят моего отца живым, чтобы взять с него выкуп, но в то же время с горечью понимала, что эта надежда призрачна.

Как объяснил мне изъяснявшийся по-французски офицер *cosaques*, местные разбойники не желали, чтобы кто-либо узнал об их делах. Русские давно уже подозревали, что местным бандам покровительствует младший сын эмира Мохаммеры Хазаль-хан ибн Джабир, хотя им

ни разу не удалось взять его с поличным. Но, в любом случае, нападение произошло совсем недавно, разбойники обременены добычей, и у нас появился шанс если не спасти моего любимого отца, то хотя бы отомстить за него...

22(10) февраля 1878 года. Два часа пополудни. Левый берег реки Шатт-Эль-Араб. 15 верст юго-восточнее Басры.

Полковник Вячеслав Николаевич Бережной

Дело ясное: банду надо было срочно гасить. Прежде чем отправиться в погоню, мои люди запустили тактический беспилотник. Короткие приготовления – и рукотворная птица с легким жужжанием ушла в небо, вспорхнув с руки одного из бойцов. Радиус действия этого «летающего глаза» – тридцать километров, а максимальная высота – три километра. Место нападения разбойников на торговый караван располагалось не более чем в получасе интенсивной конной скачки от расположения русской заставы, и дальности этого маленького разведывательного аппарата должно было хватить, чтобы, выяснив все заранее, не лезть очертя голову в неизвестность.

Местные бандиты были хорошими специалистами по устройству засад, но от взора тактического беспилотника, нарезающего круги в вышине, нельзя было укрыться. Кроме того, мало было просто настичь нагруженную добычей банду (в таком случае они просто бросили бы груз и растворились в мешанине каменистых осыпей и ущелий) – требовалось полностью, под корень, вырубить это бандформирование, дабы обезопасить торговый путь, который в скором времени понадобится нам самим.

В ближайшее время во исполнение договора с Германией о разделе Старого Света на сферы влияния пополненная и перевооруженная Кавказская армия под командованием великого князя Михаила Николаевича должна была выступить из Эрзерума на запад, в Сирию и Палестину, приводя эти местности под власть русского императора и освобождая сохранившееся со времен Византии православное население от угрозы полного истребления.

Кстати, кубанские казаки, которыми командовал есаул Долгов, уже привыкли к нашим рукотворным птицам и признавали их нужность и полезность в разведке. Солдат любого века с пониманием относится к командованию, когда оно не бросает бездумно голову под пули, а в меру возможностей бережет жизни своих подчиненных. Но особое удовольствие мне доставило выражение лица этого самого Жака, провожающего взглядом тающий в небесной синеве маленький аппаратик.

– Югороссо? – спросил он, не отрывая изумленных глаз от тающего в небесах маленького самолетика.

– Югороссо, югороссо, – подтвердил я, вспомнив о тех слухах, далекие от правдоподобия, которые ходили о нас среди обитателей «просвещенной Европы». Особо сильно почему-то наше появление подействовало именно на французов, хотя к ним наше отношение было более-менее нейтральным. Не было у нас особого желания мстить за руины Севастополя и Парижский трактат, успевшие стать для нас очень далекой историей. Англичане или там австрийцы с янки – это совсем другое дело.

Кошка, хоть раз съевшая чужое мясо, обладает к таким вещам особым нюхом. Судя по возрасту Жака, его папенька в молодые годы, действуя в составе пехотной дивизии зуавов или кавалерийской дивизии спаги, вполне мог отметиться на Альме, под Балаклавой, у Инкермана или же при штурме самого Севастополя.

Несколько заданных как бы невзначай вопросов подтвердили мои первоначальные догадки – как насчет пола моего собеседника, так и в отношении прошлого ее папочки. Да-да, всего лишь после краткой беседы я был готов поставить золотой империял против медного гроша за то, что напротив меня сидит никакой не Жак, а, скорее всего, Жаклин, то есть девица, давно и успешно изображающая юношу.

Для местных бесхитростных времен, когда люди привыкли доверять тому, что видят, женщина, одетая в мужское платье – трудная для восприятия экзотика. Но мне, выходящему из другого мира, все это стало ясно с первых же минут общения. Общее телосложение, пластика тела, мимика – все это говорило мне, что передо мной отнюдь не парень, а девушка, пусть и выросшая в окружении мужчин. Было видно, что пара револьверов и чуть изогнутый охотничий нож ей куда привычнее обычного женского рукоделия, а разговоры о достоинствах верховых лошадей и ценах на товары представляют значительно больший интерес, чем женские сплетни.

Правда, стоит отметить, что первым ее инкогнито разоблачил все же не я, а есаул Долгов, хотя ему, как отцу двух дочерей, наверняка бросились в глаза какие-то иные, оставшиеся для меня непонятными, моменты в поведении этой девицы. Вроде бы он даже рассказывал, что его старшая, Шурочка – этакая отчаянная девица-кавалерист осмнадцати лет от роду, и он постоянно боится, что она, переодевшись в мужское платье, сбежит воевать с турками. Да, есть женщины в русских селениях... и, как теперь очевидно, не только в русских...

Беспилотник обнаружил банду примерно там, где мы и ожидали – недалеко от разграбленного каравана, примерно в сорока минутах езды легкой рысью или быстрым шагом. Убив всех сопровождавших караван людей (что было видно по большому количеству раздетых до исподнего тел, брошенных на обочине), разбойники встали на дневной привал, не обращая внимания на темную точку, кружащую в вышине, тем более что там хватало и обыкновенных стервятников.

Караван, который они захватили, перевозил дорогой, но весьма тяжелый и объемный груз, так что не было никакого смысла везти его обратно в Персию. В связи с войной цены на предметы экспорта – ковры, шелк, благовония и разные безделушки – сильно упали в цене, и выручить хорошие деньги за добычу можно было лишь в том случае, если бы налетчикам удалось обойти наши посты и направиться по Евфрату в Ирак, и далее в Сирию.

Кроме того, сами разбойники вряд ли стали бы заниматься торговлей. Значит, должен быть еще кто-то, кто примет товар, заплатив за него полновесным золотом. И я даже ни минуты не сомневался, что у этого «кого-то» обнаружится наглая рыжая морда британского происхождения. Судя по изображениям, переданным беспилотником, в данный момент как раз и происходил процесс приема-передачи груза от разбойников таинственному незнакомцу и его поделщикам. Как говорится, если публика в сборе, можно начинать шоу.

Не доезжая километра до нужного места, я остановил отряд и пустил вперед своих людей, поставив перед ними задачу снять часовых и обеспечить внезапность нападения. Тем временем казаки, негромко переговариваясь, обматывали копыта лошадей тряпками, чтобы раньше времени не спугнуть противника топотом копыт. Через полчаса мои орлы сообщили, что путь чист, а разбойничьи часовые отправились в «страну вечной охоты». «Винторез» – он и в девятнадцатом веке «винторез», а мои ребята не растеряли своих профессиональных навыков.

Все это время Жак сильно нервничал, то и дело поглаживая тонкими худыми пальцами то свои револьверы, то отделанную бирюзой рукоятку заткнутого за широкий пояс великолепного охотничьего ножа. Сразу было видно, что ножом ему (ей) пользоваться еще не доводилось. Я бы на его месте предпочел наборную плетенку из кожи или бересты – пусть не столь красиво, зато прекрасно сидит в руке, и, будучи измазанной кровью, не скользит.

– Месье полковник, – все же не утерпев, сказал он мне, – не лучше ли напасть на бандитов сразу, а не выжидать неведомо чего: Я не думал, что югороссы настолько нерешительны, и не могут разгромить обыкновенную банду.

– Тише едешь, дальше будешь, месье Жак, – философски изрек я, а потом подумал и с ехидной улыбкой добавил: – Или лучше вас называть «мадмуазель Жаклин»?

В ее глазах мелькнул испуг. Однако, быстро придя в себя, она вздернула подбородок и, стараясь твердо смотреть мне в глаза, сквозь сжатые губы произнесла:

– О чем вы, месье полковник? Я вас не понимаю...

Я усмехнулся, любуясь ее раздумывавшимся от волнения личиком.

– Мадмуазель, думаю, что вам нет смысла скрывать свою принадлежность к прекрасному полу. – Я старался быть любезным, насколько это было возможно. – Я кое-что повидал в этой жизни, и ваше инкогнито не продлилось и четверти часа.

Она не выдержала моего испытующего взгляда и опустила глаза. Как она была прелестна сейчас – маленький, взъерошенный сорванец, тайну которого так внезапно раскрыли... Я смотрел на ее худенькие плечи, и мое сердце наполнялось давно забытыми чувствами – нежностью, состраданием и желанием прижать к себе и утешить этого ребенка, этого девочку, которая старалась выглядеть юношей. Похоже, жизнь ее сегодня необратимо изменилась.

– Вы можете ни о чем не беспокоиться, Жаклин, – тихо и как можно более доверительно произнес я. – Среди нас вам ничего не угрожает: ваша жизнь, ваша честь, и ваша свобода будут под нашей охраной в полной безопасности. Кроме того, французским в нашем отряде кроме меня владеет только есаул Долгов, а у него, знаете ли, та же беда – старшая дочь привыкла к коню, шашке и револьверу больше, чем к иголке и пальцам.

– Да, я не Жак, а Жаклин, месье полковник, – тихо произнесла она, – но разве это преступление? Ведь иначе в этих диких краях мне было просто не выжить. Даже отец не смог бы ничего сделать. Женщина тут – просто вещь, говорящее животное, являющееся собственностью отца или мужа.

– Я вас прекрасно понимаю, Жаклин, – ответил я, – и поэтому мы с месье есаулом пока сохраним ваше инкогнито. Для начала мы выясним, жив ли ваш отец, а потом уже будем принимать решение.

– Спасибо вам, месье полковник, – с признательностью кивнула она и отвернулась в сторону, наверное, чтобы я не видел блеснувших в глазах слез.

Да, эта девочка, старающаяся казаться сильной и независимой, все больше привлекала мое внимание. Я чувствовал, что она – интересная и непростая личность. Жаклин была совсем не похожа на «пацанку» из нашего времени. Несмотря на то, что она была одета в мужскую одежду, от нее исходила аура неуловимой, и потому особенно волнующей женственности... В тоже время мне было немного неуютно из-за того, что я, раскрыв ее инкогнито, выгляжу в ее глазах подлым шантажистом, способным воспользоваться ее слабостью. Никогда и ни за что!

Разгром банды был стремительным и жестоким. Два пулемета и снайперы, засевшие в каменистых осыпях на левом фланге, и казаки, атакующие лавой вдоль дороги на успевших отдохнуть конях. Застигнутые врасплох разбойники и их торговые партнеры были вырезаны под корень в коротком и яростном бою. Живьем взяли всего двоих: богато одетого араба – явного главаря банды, и рыжеволосого человека европейской внешности в костюме путешественника. Ведь была же у меня чуйка о болтающемся в окрестностях британском джентльмене, и вот он – майор Смит собственной персоной, решивший выбраться в Европу под личиной добропорядочного французского купца.

Впрочем, и второй пленник тоже оказался птицей высокого полета. Как выяснилось, носил он имя Хазаль-хан ибн Джабир и был вторым сыном эмира соседнего города Мохаммеры. Агентурные сведения о том, что младший сынок эмира подрабатывает разбоем, подтвердились. Ну, этого типа мы еще покрутим, и посмотрим, что под это дело Россия может получить от его отца, а что с персидского шаха, от которого эмир Мохаммеры в последнее время стал слишком уж независим.

Самого Луи Эжена д'Этьена мы, конечно же, в живых не застали. Чтобы замести следы преступления, все люди, следовавшие с караваном, были вырезаны поголовно – вплоть до погонщиков ослов. Раздетый догола и обезображенный труп отца Жаклин обнаружила среди множества тел, погибших сегодня утром при нападении на караван. Бедная девочка осталась совсем одна в этом мире, и теперь мой долг – помочь ей, всем, чем смогу. Ведь она только

старается казаться сильной, а на самом деле нуждается если не в мелочной опеке, то в сильном мужском плече...

22(10) февраля 1878 года. Вечер. Левый берег реки Шатт-Эль-Араб. 10 верст юго-восточнее Басры.

Жаклин д'Этьен

Бричка мерно покачивалась на упругих рессорах в такт моим тяжелым мыслям. Люди, ехавшие со мной, буднично и негромко переговаривались на своем языке, не обращая на меня особого внимания. Наверное, они обсуждали, как лихо им удалось расправиться с разбойниками, и строили дальнейшие планы на будущее, в том числе и в отношении меня. Я не понимала ни одного их слова, но и так было очевидно, что я в полной их власти.

Хотелось плакать, но глаза мои были совершенно сухими. Во мне все словно окаменело в тот момент, когда я увидела мертвое тело отца. Я поняла, что вместе с ним умерла и вся моя прежняя, странная, насквозь фальшивая жизнь. Теперь мне не надо было, скрываясь от всех, притворяться мужчиной, и это доставляло мне некоторое облегчение, и вместе с тем на меня навалилась невыносимая горечь утраты самого близкого мне человека.

Мимо проплывал унылый пейзаж. А небо... небо было безоблачным и ярким, словно и не происходит на земле никаких злодеяний, и не течет кровь, и не льются слезы... Как бы мне хотелось сейчас завернуться в это небо, словно в мягкое одеяло и не думать ни о чем... слиться с мирозданием, потерять свое тело, стать частью природы – только бы не испытывать эту горечь и боль, и страх неизвестности...

Ведь всего лишь несколько часов назад мой отец был еще жив, он был в прекрасном настроении, шутил и смеялся, строил планы на будущее. А сейчас он лежит в братской могиле, укрытый местной сухой и каменистой землей... Бедный папочка – никогда тебе больше не увидеть милую Францию, не побродить по берегу Роны, не посидеть у камина с бокалом твоего любимого бордо... Как брэнна жизнь человеческая и как беспощаден довлеющий над ней рок! Меня утешает только то, что твои убийцы совсем ненадолго пережили тебя, истребленные людьми еще более свирепыми и беспощадными, чем они сами.

Подумав об этом, я почувствовала непреодолимую потребность пообщаться с Господом и хоть немного облегчить свою душу. Закрыв глаза, я стала молиться Всевышнему, едва шевеля при этом губами.

– Господь, зачем Ты забрал моего любимого папочку? Он был один у меня в этом мире... Для чего Ты посылаешь мне столь тяжкие испытания? Утешь меня, подскажи, как мне дальше быть... Я доверяюсь Тебе, Отец Небесный, пусть будет на все воля Твоя, прошу лишь – убереги меня от несчастий... Прости, что я жила в чужом обличье... Ведь Ты сотворил меня женщиной. Тебе было угодно изменить сейчас мою жизнь, так прошу – помоги, научи, как выдержать испытания Твои... Благослови этих людей, что спасли меня... Упокой с миром душу моего папочки, да будет он блажен в чертогах Твоих...

По мере того, как моя горячая молитва возносилась к небу, на душе у меня действительно становилось легче. Господь в благодати своей помог мне смириться с потерей... Я не замечала, как слезы льются из моих глаз – слезы облегчения и благодарности. Я чувствовала в сердце безмерную любовь своего небесного Отца, я ощущала, как Он утешает меня... и поняла, что все будет хорошо.

А также я поняла, что отныне, с этого момента, я бесповоротно стала другой. Я больше не хотела быть мужчиной. Я хотела быть такой, какой и задумал меня любящий Творец...

– Аминь!

Я подняла голову и, открыв глаза, убедилась, что никто по-прежнему не проявляет ко мне интереса. Лишь сидящий поодаль невысокий сухопарый офицер неопределенного возраста с умными пронизательными глазами – тот самый, что разговаривал со мной недавно – быстро

ответил свой полный участия взгляд в сторону, очевидно, не желая смущать меня. На мгновение мне показалось, что этого чужого мне человека коснулась рука Господа, и сейчас Всевышний смотрит на меня его глазами, жалея, будто маленького ребенка. Но он тут же снова взглянул на меня, и, наверное, почувствовав что-то, пересел ко мне поближе, так, что его глаза оказались напротив моих. Они, эти глаза, словно участливо вопрошали меня о чем-то... Добрые и немного усталые, холодная сталь в них смешивалась с теплой синевой...

– Простите меня, что доставила вам столько хлопот, – тихо произнесла я, отводя взгляд, – Мой отец – это все, что у меня было, и теперь я осталась совсем одна. Месье офицер, кто я для вас – нуждающаяся в помощи жертва обстоятельств, случайно попавшаяся на пути, или военная добыча, постельная утеха для вас и ваших солдат? – Я взглянула на него прямо и открыто.

– Не бойся, Жаклин, теперь ты под нашей, а точнее, под моей защитой, – уверенно глядя мне в глаза, так же тихо ответил он. – Я понимаю твое положение и могу заверить, что никто из югороссов или русских солдат не причинит тебе зла. Это обещаю тебе я, полковник Бережной.

– Спасибо, месье полковник... – тихо произнесла я, сглотнув застрявший в горле комочек. – Я никогда не забуду то, что вы для меня сделали. Но даже если мне и удастся выбраться в Европу, то там я буду никем и ничем, без денег, родни или мужа. Мне останется только стать падшей женщиной, чтобы хоть так зарабатывать себе на жизнь.

– Т-с-с, Жаклин, – он приложил свою широкую ладонь к моим губам, – не говори, пожалуйста, таких слов. Лучше расскажи мне, что ты умеешь делать?

– Я с самых малых лет помогала своему отцу, – потупив взгляд, ответила я, – поэтому хорошо умею ездить на лошади и стрелять из револьверов, могу читать и писать по-французски, знаю арифметику и могу вести бухгалтерские книги. Довольно хорошо говорю по-английски, по-арабски, и на фарси, немного по-итальянски и по-гречески.

– Однако, это немало... – задумчиво покачал головой полковник. – Не каждая девушка может похвастать таким набором умений, а ты уже собралась в падшие женщины. Скажи, ты не думала пойти учиться дальше и поступить в университет?

– Месье полковник, вы надо мной смеетесь? – горько усмехнулась я. – Чтобы учиться в Сорбонне, надо иметь очень много денег. К тому же туда неохотно принимают женщин. И вообще, учеба – скучнейшее занятие, которое совсем не по мне. Ну а потом, кто возьмет на службу девушку без опыта и рекомендаций, когда вокруг столько желающих молодых людей? Лучше уж сразу попытаться поступить в Сен-Сир...

– Не ершишь, Жаклин, – прервал он меня, – не обязательно же ты должна учиться в Сорбонне? Есть немало и других университетов. Есть среди них и такой, в котором тебя научат тому, чему не учат нигде. Если я дам тебе свою рекомендацию, то и учеба для тебя окажется совершенно бесплатной...

– И что я должна для этого сделать? – Я презрительно сощурилась. – Я не стану ложиться с вами в постель за ваши милости, ясно вам?

– Ты меня с кем-то путаешь, Жаклин... – окаменев лицом, ответил он, чувствуя явную неловкость, – я не насилую женщин и не покупаю их расположения деньгами, услугами и побрякушками. Продажная любовь не становится менее продажной оттого, если расчет осуществляется не в денежной, а в натуральной форме. Я от всей души предложил тебе безвозмездную помощь, как принято у нас, русских, а ты подозреваешь меня черт знает в чем...

Тут мое лицо залила краска стыда. Жизнь повернулась ко мне еще одной своей стороной. Оказывается, у этих русских, которых в Европе считали немногим лучше диких зверей, практикуется такое истинно христианское отношение к своему ближнему.

– Простите меня, месье полковник... – растерянно пробормотала я, – я вас совершенно неправильно поняла и... мне очень стыдно, правда... Но дело в том, что моих знаний, наверное, недостаточно для того, чтобы учиться в вашем университете.

– Знания, девочка, дело наживное, – мягко сказал он, – тем более, что таких знаний ни у кого сейчас и нет. Сначала ты поучишься на подготовительных курсах для женщин, ну а потом, если почувствуешь в себе силы и желание учиться, поступишь и в сам университет. Ты еще совсем молода, и несколько лет учебы пролетят для тебя незаметно.

– Да, месье полковник, – с грустным вздохом произнесла я, – я была бы совсем не против учиться в этом самом вашем Константинополе. Но как я туда попаду, ведь до него тысяча километров пути... очень опасного пути, между прочим...

– В ближайшее время, – сказал он, – часть нашего корпуса направится на север на соединение с основными силами Кавказской армии, и ты тоже сможешь отправиться вместе с нами. Так что это проще всего. Не бойся, югороссы своих не бросают.

– С каких это пор, месье полковник, я для вас стала уже своей? – не удержалась я от колкости.

Он как-то странно посмотрел на меня и произнес:

– Один очень умный человек – кстати, тоже француз – как-то сказал: «Мы ответственны за тех, кого приручили», и я изо всех сил стараюсь следовать этим словам.

– Еще раз простите меня, месье полковник... – покаянно произнесла я, впечатленная словами того умного человека. – Наверное, автор этих слов был очень добрым и мудрым? Мне хотелось бы встретиться с ним и поговорить.

Мой собеседник пожал плечами.

– Увы, это невозможно, – грустно улыбнулся он, – этого человека нет среди живущих. Но ты сможешь прочесть его книги и попытаться приобщиться к его мудрости и величю его мысли.

Я замолкла, думая над сказанным. Он тоже больше не беспокоил меня разговорами, обладая, видимо, чувством такта. Теперь, получив надежду на будущее, я снова была готова смело смотреть жизни в лицо...

Вскоре мы въехали в город. Я поймала себя на том, что с интересом разглядываю окрестности. Вроде бы обычный восточный город, но русское владычество уже наложило на него свой неуловимый отпечаток. Большой военный корабль на реке, под флагом с косым синим крестом, армейские патрули в форме песочного цвета на улицах. Чем ближе к военному лагерю, тем чаще мелькают женщины с открытыми лицами и мужчины в европейской одежде.

В самой крепости чудеса продолжились. Месье полковник передал меня с рук на руки какой-то женщине средних лет, которая была тут кем-то вроде домоправительницы. Она передала меня двум служанкам, и те отвели меня в местный хамам, помогли смыть пот, пыль и грязь с моего усталого тела и переодели в чистую одежду, о которой стоит рассказать отдельно. Признаться, я с неприятным чувством ожидала, что меня сразу оденут в какие-нибудь ужасные юбки, которые мешают ходить – я не привыкла к ним и ненавидела их. Однако, похоже, никто не спешил делать из меня «настоящую женщину», и это приятно удивило. Вместо женской одежды мне принесли комплект такой же формы, какую носят югоросские солдаты из подразделения полковника Бережного.

Словом, то, что я увидела в зеркале, когда надела все это, мне очень понравилось. Я по-прежнему выглядела мальчиком, но мои кудри были вымыты каким-то чудно пахнущим веществом, и стали послушнее и мягче, так что я смогла их красиво причесать. На щеках розовел румянец...

Интересно, а как я буду выглядеть, вернувшись в женское обличье? Такая мысль впервые появилась в моей голове. Однако, вспомнив эти лифы, сорочки, корсеты, завязки, застежки – все эти неизбежные неудобства – я тяжело вздохнула и, показав своему отражению язык, отошла от зеркала.

После сытного ужина, состоявшего из большой тарелки макарон с мясом и кружки сладкого чая, я упала на самую настоящую кровать и, накрывшись одеялом с головой, забылась крепким сном, без сновидений.

26 (14) февраля 1878 года. Поздний вечер. Константинополь. Дворец Долмабахче, кабинет контр-адмирала Ларионова.

Присутствуют:

Правитель Югороссии контр-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов

Канцлер Югороссии Александр Васильевич Тамбовцев

Глава МИД полковник Нина Викторовна Антонова

Три человека, являющие для внешнего мира олицетворение Югороссии, сидели за большим круглым столом. Был поздний вечер, на улице моросил холодный, нудный зимний дождь, грозя перейти к полуночи в мокрый снег. В такую погоду хорошо сидеть в тепле, пить горячий чай с плюшками и говорить о разных пустяках. Но люди, собравшиеся в кабинете главы Югороссии, не могли себе позволить посибаритствовать. Они подводили итоги всему тому, что уже успели сделать, и намечали планы на весну, до которой было, что называется, рукой подать.

А сделано было немало – как в самой Югороссии, так и вне ее. Например, приглашенному на должность министра народного просвещения Илье Николаевичу Ульянову уже удалось создать в Константинополе и других городах и поселках Югороссии сеть начальных и средних школ, которые должны были стать основой системы всеобщего среднего образования. Жуткую смесь из греков, турок и болгар, покрытую тонкой пленкой русских (как пришедших из будущего, так и приехавших из матушки-России) надо было как можно быстрее превратить в просто югороссов, и школе в этом важном деле, по замыслу канцлера Тамбовцева, отводилось особое значение.

Для этого еще осенью прошлого года в Константинополе были открыты полугодовые, годовые и двухлетние курсы повышения квалификации учителей, куда в основном принимали выходцев из Российской империи обоюбого пола, окончивших полный курс гимназии или реального училища. Полугодовые курсы готовили самых многочисленных и наиболее востребованных на данный момент учителей для начальной школы. Годовые – для неполной, а двухгодовые – для полной средней школы. Обучение было бесплатным, но выпускник подписывал обязательство пять лет отработать по распределению в том населенном пункте Югороссии, куда его пошлют.

Несмотря на это, желающих поступить на эти курсы было так много, и пришлось даже проводить конкурсные экзамены. Особенно стремились поступить на курсы девушки, ведь получить высшее образование на русском языке для слабого пола в Российской империи было практически невозможно. Владимирские курсы к тому времени уже закрылись, а Бестужевские планировалось открыть только через год. Бюрократическая машина Российской империи всячески препятствовала женскому высшему образованию, и даже император Александр III, проникшись и осознав пользу женского обучения, ничего с этим не мог поделать. Не рубить же боярам от чиновничества Министерства просвещения и членам Госсовета головы, как делали Иван Грозный или Петр Великий?! Нет уж, пусть чиновники-ретрограды и мздоимцы сами вымрут, как динозавры или мамонты. А за это время нужно подготовить смену и создать в стране кадровый резерв.

Курсы в Константинополе явились достойным выходом из этого тупика. Российская империя признала югоросские дипломы наравне с европейскими и отправляла туда на обучение свои мятущиеся души, не находящие себе выхода в духоте родных осин, будучи полностью уверенной, что там их не научат дурному и не превратят в поклонников зловредного Запада. При этом получившие образование юноши должны были вернуться в Россию и продолжить свою деятельность на родине, а девушки – остаться в Югороссии и, включившись в работу

по созданию системы всеобщего образования, составить пул образованных интеллигентных невест для пришельцев из будущего. Вот пройдет зима и наступит весна – и зацветут все цветы, причем не только на клумбах. Впрочем, уже сейчас, когда погода располагала, на улицах Константинополя все чаще можно было встретить гуляющие парочки, мужская часть которых была либо одета во флотскую черную шинель, либо в зеленый армейский камуфляж. Любви оказались покорны не только все возрасты, но и все времена года.

Одновременно те, кому положено, стали присматриваться к детям Ильи Николаевича Ульянова, особенно к старшим: к четырнадцатилетней Анне и двенадцатилетнему Александру. Не очень-то хотелось, чтобы они, как было в нашей истории, начали бороться с «проклятым самодержавием» и угодили кто на каторгу, кто на виселицу. Нет уж, господа хорошие, никакой «Народной Воли» и прочего политического разврата в этой истории не будет. За народное счастье лучше всего бороться на строго научной основе, с привлечением не только общественного начала, но и всей мощи государства, которое тоже желает счастья своему народу. Иначе это самое государство ждет неминуемая гибель.

Международные дела тоже, слава Богу, развивались в весьма благоприятном для Югороссии ключе. Отношения в треугольнике Югороссия – Российская империя – Германия развивались успешно. Между союзниками было достигнуто джентльменское соглашение о разделе сфер влияния. Югороссия оперировала на Балканах и в Западном полушарии, Российская империя получала Азию, а Германия – Западную Европу и Африку. Захваченная у англичан Мальта медленно, но верно превращалась в главную опорную базу русского Средиземноморского флота, а захват Гибралтара открывал дорогу к переговорам с Испанией по бессрочной аренде (а возможно, и продаже) острова Куба.

Финансовое положение Югороссии в настоящий момент было вполне благополучным. Это молодое государство стало тем, чем была Византийская империя в Средние века – «Золотым мостом» между Западом и Востоком. Торговый оборот через Константинопольский порт рос не по дням, а по часам. Немалую прибыль приносил контроль над Суэцким каналом. На Ближнем Востоке со дня на день Кавказская армия должна была отправиться в поход в Сирию и Палестину, возвращая под сень православия прародину всего христианства.

Правда, были на внешнеполитическом небосклоне и некоторые неприятные моменты. Неделю назад в Ватикане отправился к праотцам (некоторые шепотом говорили, что прямиков в Ад) папа Пий IX. Перед смертью он успел издать весьма премерзкую для Югороссии буллу, подвергающую анафеме пока еще не коронованного короля Ирландии Виктора Брюсова и всех тех ирландских католиков, которые с оружием в руках поднимутся против британцев, бесчинствующих на Зеленом острове. Булла была составлена совершенно не по правде и не по совести – исключительно из нелюбви к православной ортодоксии и желания нагадить России. Так что папе, считавшему себя непогрешимым, предстояло длительное – на всю Вечность – кипячение в адских котлах со смолой. А вот перед югоросскими планами освобождения Ирландии появились некоторые вопросы, требующие срочного решения.

– Недоглядели мы, Васильич, – покачав головой, произнес адмирал Ларионов, добавив между делом несколько соленых морских выражений. – Надо нам было этого ушлепка еще раньше упокоить, тогда у нас не было бы этой головной боли.

– Упокоили бы этого, Виктор Сергеевич, вылез бы другой такой же, – развел руками Тамбовцев. – В Ватикане православных ненавидят уже почти тысячу лет, в основном за то, что мы не признаем непогрешимость их папы. И наш человек на ирландском троне для католических кардиналов – это все равно, что ржавым серпом по фаберже.

– Друзья мои, успокойтесь, – полковник Антонова разлила по чашкам чай и пододвинула к своим соседям по столу блюдо с халвой, – вы только попробуйте – какая вкуснятина. А что касается этих папских декретов, то, самое главное, там не упоминается про наши кубинско-испанские дела. Что очень хорошо, так как в Испании и Латинской Америке влияние като-

лических пастырей весьма сильно. Предварительные переговоры с испанским послом на эту тему уже завершены, и в Мадриде, страдающем от хронического безденежья, аж подпрыгивают от нетерпения, ожидая подписания договора. Что же касается Ирландии, то там религиозный вопрос давно уже сменился национально-освободительным. Скорее ирландцы просто проигнорируют папскую буллу, а те католические иерархи, которые поддержат Ватикан, просто останутся без паствы. После того, что англичане устроили в Корке, любой другой исход событий просто исключен. Если бы папа выступил только против одного Виктора Брюсова и заклеил его за принадлежность к православной церкви, было бы гораздо хуже. Тогда среди ирландцев началось бы смятение умов, что совершенно не нужно в преддверии общего антибританского восстания. Но, прокляв борцов за свободу своей страны всех скопом, папа оттолкнул от римской курии всех ирландцев, чем совершил огромную ошибку. И я теперь не исключая появления в Ирландии собственной автокефальной православной церкви.

– Даже так? – удивленно произнес адмирал Ларионов.

– А вы знаете, Нина Викторовна, наверное, права, – вместо Антоновой ответил адмиралу канцлер Тамбовцев. – Ведь изначально церковь в Ирландии была православной, созданной не римскими, а александрийскими миссионерами, крестившими не только Ирландию, но Британские острова. До самого завоевания Англии нормандским герцогом Вильгельмом подчинение Риму церковных структур на Британских островах было чисто номинальным, и лишь позже силой британского оружия церковь в Ирландии была полностью подчинена Риму и полностью обрела католические черты. Что же касается церковных догматов, то православных и католиков непреодолимо разделяют только два тезиса. Первый – о непогрешимости папы, который в глазах ирландцев только что был полностью и необратимо опровергнут, ну а второй, об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына, не будет существенен для ирландских борцов за свободу. Тем более что он, например, не включен и в символ веры униатской греко-католической церкви, а сие означает, что и сами католики не считают его чем-то принципиально важным. Настроения большинства высшего ирландского католического духовенства после событий в Корке ничем не отличаются от настроений паствы, так что теперь весь вопрос только за идеологической работой и пропагандой. И да здравствует Патриарх Дублинский и вся Ирландия.

– Спасибо, Александр Васильевич, – улыбнулась полковник Антонова, – мне не удалось бы так доходчиво объяснить создавшуюся в Ирландии ситуацию. Вот в этом направлении и должны копать наши люди, чтобы добиться искомого результата. Одновременно надо повнимательнее присмотреться к Риму и постараться сделать так, чтобы следующим папой стал кардинал, наиболее удовлетворяющий нашим интересам. Сделать это несложно, поскольку кардиналы обычно люди пожилые, и имеют свойство неожиданно почивать в бозе, что неудивительно – климат Ватикана весьма вреден для его обитателей. А может быть, и наоборот – нужные нам люди могут жить долго и счастливо, особенно если им помогут в этом наши чудо-врачи.

– Ну, вот и отлично, – произнес адмирал Ларионов, подводя итог импровизированного совещания за чайным столом. – Именно так мы и поступим. Вы, Нина Викторовна, завтра же отправляйтесь на «Адмирале Ушакове» в Кадис, чтобы начать там переговоры о подписании договора об обмене Гибралтара на аренду Кубы. А Виктор Брюсов получит соответствующие инструкции о том, что ему делать со своими католиками, благо там еще никто ничего не знает о папской булле. Ну а Ватиканом займутся наши люди из КГБ – и Боже храни кардиналов! А пока давайте выпьем еще по чашечке этого чудесного чая. И попробуйте вот эти пироги с клюквой. Давно я не ел таких вкусных пирогов...

28(16) февраля 1878 года. Куба, Гуантанамо.

Сэмюэл Клеменс, главный редактор газеты «Южный крест»

В мою дверь негромко постучали.

– Войдите, – произнес я, оторвавшись от работы над очередным номером нашей газеты. В кабинет прихрамывая вошел невысокий человек лет тридцати пяти, одетый в застиранную и чуть поблекшую серую форму, с сумкой почтальона через плечо.

Несколько дней назад, тот же самый джентльмен уже заходил ко мне, чтобы передать телеграмму от жены. В ней было всего лишь несколько слов: *«Приехали девочки здоровы все хорошо Оливия»*. Телеграфные реквизиты над этим текстом занимали места больше, чем сам текст...

Я ей тогда написал в ответ, что, мол, наши телеграммы пересылаются бесплатно, и что мне хотелось бы узнать чуть больше о ее житье-бытье.

– Здравствуйте, мистер Клеменс, – сказал почтальон, снимая шляпу. – У меня для вас опять телеграмма.

И он протянул мне такой же конверт, как и в первый раз.

– Спасибо, – поблагодарил его я. – Кстати, зовите меня Сэм!

– Как-то неудобно, – смутился он. – Я всего лишь почтальон, а вы все-таки знаменитость.

– А как вас зовут? – спросил я, с интересом оглядывая собеседника.

– Джеб Андерсон, сэр! – ответил почтальон, выпрямив спину. – Рядовой первого класса армии Конфедерации.

– А откуда вы родом, Джеб? – продолжил я расспросы.

– Сент-Луис, Миссури, сэр! – вздохнул тот. – Давненько я там не был, почитай что с самой войны.

– Так вот, Джеб, – улыбнулся я, – оказывается мы с вами земляки. Я тоже из Миссури, только из Ганнибала. А вы, значит, воевали?

– Да, сэр! – кивнул почтальон. – Шестой Кентуккийский пехотный полк. Ранен при Шайло в шестьдесят втором. Приехал сюда, хотел было вступить в Добровольческий корпус, да меня не взяли – сказали, мол, с такой ногой ты уже свое отвоевал. Как будто все эти молодые ребята умеют так же стрелять, как рядовой Андерсон! Я ведь был лучшим у себя в роте...

– Джеб, а почему вы не вернулись домой? – спросил я с некоторым удивлением.

– Ну уж нет, – покачал тот головой. – Пока я тут устроился почтальоном. А вот когда начнется война за освобождение Дикси – вот тогда пусть только попробуют меня не пустить! Я уже и винчестер себе купил, тренируюсь с ним каждый вечер. Бегун и ходок из меня, конечно, никакой, а вот стрелок я хоть куда.

– Вот видите, – вздохнул я, – а я вообще в войне практически не участвовал. Так что я сочту за честь, если вы будете называть меня Сэмом, а мне будет дозволено звать вас Джебом!

С этими словами я протянул ему руку, которую он с удовольствием пожал, сказав мне в ответ:

– Все будет именно так, Сэм.

Как и в первый раз, конверт был чистым, без марки или адреса отправителя, лишь с надписью четкими типографскими буквами: *«Сэмюэлу Клеменсу лично в руки»*. Как только Джеб ушел, я вскрыл письмо. Да, на этот раз оно было гораздо длиннее, чем в прошлый раз. Что бы ни говорили про мою любимую Ливи, все-таки по бережливости она самая настоящая янки...

«Любимый, у нас все хорошо, только мы все по тебе очень скучаем. Первые десять дней мы провели в Константинополе. Когда мы приехали, нас определили в гостевые покои дворца Долмабахче, а мистер Тамбовцев, которого я давно уже называю Александр, а наши девочки „дядей Сашей“, с самого первого дня взял нас под свою опеку. Но первым делом после нашего прибытия нас отвезли в местный госпиталь и еще раз дотошно осмотрели, а потом проверили на каких-то приборах. Девочкам очень понравилось, когда им потом показали, как они выглядят изнутри. И самая главная и радостная новость – русские врачи подтвердили, что у девочек туберкулеза нет.»

Про меня же было сказано, что тот диагноз, который поставили врачи в Гуантанамо, правильный, и меня будут дальше лечить. Курс лечения продолжится около трех месяцев. Кроме того, у меня нашли кое-какие женские болезни, но и их, по словам доктора Богданова – представляешь себе, я даже научилась выговаривать эту фамилию – вскоре полностью излечат, и нам можно будет завести еще детишек!

Мне дают какие-то лекарства. Предупредили, что у меня может болеть от них живот, но пока, к счастью, в этом плане все нормально.

А еще нам очень повезло в том, что у нашей замечательной спутницы Летисии де Сес-педес первый семестр обучения в Константинопольском университете начинается лишь первого марта. Поэтому она сидела с девочками, когда я была у врача или когда меня возили по таким местам в Константинополе, которые девочкам неинтересны.

Александр и его люди показали мне столько необыкновенного: и дворец Топкапы, где мне особенно понравился гарем, и другие османские дворцы, и римские развалины, и церкви – такие, как Святая София и Святая Ирина, только недавно переделанные обратно в христианские церкви из мечетей.

Кроме того, я купила для нас дом – он находится недалеко от дворца Долмабахче, на берегу Босфора, окруженный виноградниками и тенистыми деревьями. Александр рассказал, что он ранее принадлежал одному турецкому паше – тот бежал из Константинополя еще до прихода югороссов, после того, как султан, узнав про растрату при строительстве флота, решил его арестовать и, возможно, казнить. Конечно же, султан конфисковал это имение, а теперь оно принадлежало государству.

Продали нам его меньше чем за половину того, что мы выручили за продажу нашего дома в Хартфорде. Так что денег нам хватит и на ремонт дома, который уже начался. Ни за что другое русские денег не берут – говорят, что мы их гости. Кстати, мне передали твою зарплату и гонорары за твои книги – сумма настолько большая, что денег у нас лишь немногим меньше, чем до покупки дома. Тем более, тратить их больше не на что. Даже в санатории с нас совсем не берут денег, хоть я и протестовала.

А теперь мы на Принцевых островах, точнее, на острове Принкипс, самом большем из этих островов. Представь себе: чудесный парковый ландшафт посреди Мраморного моря. Живем мы на вилле, принадлежащей местной клинике, я лечусь, а девочки ходят в детский сад для детей пациентов. Представляешь себе, они уже немного говорят по-русски – многие пациенты там из Российской Империи. В свободное время мы гуляем по прекрасному парку или катаемся на лошадях. Жаль, зима, и море холодное, летом здесь, как нам рассказали, очень неплохое купание. А сейчас даже на лодке мне врачи кататься не рекомендуют – мол, легкие слабые...

Будем здесь до конца марта, а в начале апреля переедем в наш дом в Константинополе. Обещали, что его к тому времени отремонтируют. Твой кабинет я велела сделать точно таким же, каким он был в Хартфорде. Вот разве что вид из окна теперь не на унылый константинопольский пейзаж, а на холмы Малой Азии за узкой полоской пролива.

Ждем тебя! Помни, ты мне обещал, что на войну не пойдешь! Ты нужен и девочкам, и твоей любящей Оливии.»

Я тяжело вздохнул. Я никогда не лгал Оливии, кроме тех немногих случаев, когда я это делал, чтобы она не волновалась. Да, я, конечно, мог бы отсидеться на Кубе, или даже на том острове – кажется, Корву – где сейчас проходят тренировки наших ребят. Но у меня перед глазами все время была тюремная камера в Корке и женщины, которым повезло намного меньше, чем моей любимой Ливи; я вспомнил Джимми Стюарт и могилы его родителей, его друзей и его невесты... А если даже Джеб Андерсон, несмотря на хромоту, рвется воевать, то, пусть меня будет любить весь мир, я сам себя не смогу уважать, если не поеду на ту войну.

Тут дверь опять распахнулась, и вбежал молодой Чарли Александер.

– Мистер Клеменс! Мистер Клеменс! – завопил он в восторге. – Я только что услышал разговор двух моряков – флот Конфедерации уже завтра уходит на Корву!

1 марта (17 февраля) 1878 года. Куба, база Гуантанамо.

Рафаэль Семмс, адмирал Конфедерации

– Господи, благослови флот сей и родину нашу! – речитативом произнес высокий человек в рясе католического священника.

Я перекрестил свое сердце, как водится, и увидел краем глаза, как Игорь Сеницын размашисто крестится, только справа налево. А на плацу, замерев, стоят сотни офицеров и матросов в новенькой форме военно-морского флота Конфедерации.

Первыми наш флот благословили священник-англиканин и священник-пресвитерианец – самые распространенные конфессии на нашем Юге, а теперь и католический священник отец Джон Делорье. После него будут еще баптист и, как ни странно, раввин. Евреи из самых разных общин Юга, к всеобщему удивлению, тоже прибыли в Гуантанамо, некоторые даже со своими кораблями. Как мне сказал один из них, Мозес Каплан, приведший один из лучших наших кораблей – быстроходный пароход «Балерина», торжественно переименованный нами в «Стунволл Джексон», «Юг – это наша родина, и почему это другие должны погибнуть за родину, а мы нет?»

И последним, по моей личной просьбе, нас благословит православный священник, хотя православных среди нас нет ни одного человека. Или не было: я уже слышал, что некоторые молодые люди уже изъявили желание принять веру наших друзей из Югороссии, вернувших нам надежду на возрождение нашей родины из пепла.

А завтра с раннего утра мы выходим в далекий поход к острову Корву. По-настоящему вооружена лишь моя «Алабама», и если нам суждено будет напороться на корабли янки, то дать им отпор мы, увы, не сможем. Поэтому в настоящий момент над нашими кораблями подняты Андреевские флаги, а возглавляет наш флот югороссий крейсер «Москва», заканчивающий свой дружеский визит на Кубу. На корабли под флагом Югороссии не рискнут напасть даже самые дерзкие пираты. Слишком уж всем памятен молниеносный разгром британской эскадры у Пирея, который учинила гордым «хозяевам морей» все та же «Москва». А уже на Корву нас ждут и новенькие морские казнозарядные орудия русского производства, равных которым сейчас нет в мире, и уже пошитые флаги флота Конфедерации.

Мы решили сделать их по образу и подобию первого флага нашего славного флота: белые звезды в кругу на синем фоне. Игорь почему-то чуть улыбнулся и, увидев проект нашего флага, пробормотал: «Ну слава Богу, хоть звезды не желтые»... К чему бы это он? Надо будет разузнать об этом поподробнее.

И вот наконец церемония кончилась, и я отправился в здание, переданное нам под штаб. Надо проверить документы – слишком часто в последний момент происходят какие-либо накладки. А потом следует посетить несколько кораблей, посмотреть, действительно ли все там в ажуре, а также в последний раз проверить связь. Дело в том, что югороссы поставили нам три мощных радиостанции с дальним радиусом приема – на «Алабаму», «Джексон» и «Джон Хант Морган», и менее мощные – на все оставшиеся корабли, что должно было вывести управление флотом на совершенно новый уровень. Проверкой связи должны были заняться ребята с «Алабамы» – только у них есть практический опыт работы с югоросскими рациями. Югоросские инструктора, которые тоже проследуют с нами на Корву, будут лишь присутствовать при проверке связи, если, конечно, кто-нибудь из наших не сделает чего-нибудь такого, что не налезет на голову даже моему чернокожему слуге Джиму, которого Игорь Сеницын почему-то упорно называет Обамой.

Уже по пути на Корву мы займемся отработкой новых возможностей, которые дает нам радиосвязь во время похода. А после перевооружения последуют еще и полномасштабные

маневры, чтобы канониры опробовали новые пушки и научились использовать все их возможности, а капитаны освоили управление кораблями в бою.

Ведь в недалеком будущем нашему флоту предстоит принять первое боевое крещение. Скорее всего, это произойдет во время операции по поддержке Ирландских Королевских стрелков и нашего собственного Добровольческого корпуса. Ведь югороссы не будут принимать широкого участия в боевых действиях, ограничившись лишь блокадой острова и бомбардировкой особо важных объектов.

Я почти дошел до своего кабинета, как вдруг услышал хорошо знакомый голос:

– Мистер адмирал, можно вас на минутку?

Обернувшись, я увидел Сэма Клеменса.

– Сэм, я ж тебя просил – называй меня просто «Рафаэль», – с улыбкой ответил я. – Только, извини, времени у меня мало. Ты же знаешь, мы завтра уходим...

– Вот из-за этого я и пришел к тебе... – Он неожиданно принял строевую стойку и, сделав полупоклон, произнес: – Рафаэль, возьмите нас – меня и молодого Александера – с собой на Корву.

– На Корву? – Сказать по правде, я был удивлен. Ведь про нашу цель знали очень немногие. И даже не все мои командиры знали о конечной точке маршрута.

– Рафаэль, – усмехнулся Сэм, – я все же как-никак редактор газеты. И, позволю заметить, неплохой редактор. При этом мне прекрасно известно о том факте, что на Корву находится наш Добровольческий корпус. Логично было предположить, что вы отправитесь именно туда...

– Ну, допустим... – Я лихорадочно думал, что ему ответить. – А как же «Южный крест»? Ведь вы же его главный редактор.

В ответ Сэм лишь пожал плечами.

– Вообще-то, – ответил он, – по нашим планам, я должен был отправиться на Корву в начале апреля. Возможности дальней беспроводной связи, предоставленной русскими, таковы, что мы решили рассредоточить наш персонал: кто-то останется здесь, а кто-то отправится в Константинополь. А я буду с нашими военными на Корву и в Ирландии.

– Но вы понимаете, что все происходящее в Ирландии может быть для вас смертельно опасным делом? – возразил я. – А ведь у вас очаровательная супруга и две прекрасных дочурки...

– Знаете, – грустно улыбнулся Сэм, – после того, что мне довелось увидеть в Ирландии, и тем более после того, как я уклонился от войны за правое дело в шестьдесят первом, я считаю, что другого выбора у меня просто нет. Пришло время платить по долгам. А о семье в случае моей смерти, надеюсь, позаботятся. Тем более, что роялти за мои книги, смею надеяться, будут выплачиваться и дальше.

У меня оставался последний аргумент.

– Но вы понимаете, что никакого комфорта мы вам обещать не можем. Почему бы вам не отплыть на корабле югороссов?

– И при этом пропустить исторический момент второго рождения флота Конфедерации? – парировал он. – Я знаю, что многое из того, что сейчас происходит, большая тайна. И если надо, я могу опустить некоторые подробности, а кое-какие репортажи вообще отложить на потом. Вы же мне, я надеюсь, расскажете, какую именно информацию лучше не разглашать. Если хотите, мы можем сделать и отдельную газету для новой эскадры Дикси. Тем более что молодой Александер уже показал себя мастером фотографии. И сегодня вечером мы представим вам первый выпуск «Южного креста» – про сегодняшнюю церемонию.

Я задумался. Действительно, такая газета может помочь в укреплении боевого духа наших моряков.

Для проформы я поинтересовался:

– Сэм, а вы сможете опубликовать в газете приказы и распоряжения командования?

– Конечно, Рафаэль! – ответил Сэм.

«Ну что ж, пора капитулировать», – подумал я и сказал:

– Сэм, у меня на «Алабаме» есть двухместная каюта, которую я мог бы отдать вам с вашим фотографом.

Глаза у изрядно поседевшего писателя засветились, словно у мальчика, получившего игрушку, о которой он давно мечтал.

– Рафаэль, огромное тебе спасибо! – стал он благодарить меня. – Уверяю, что ты не пожалеешь о принятом решении!

Я вздохнул и про себя подумал: «Я-то, конечно, не пожалею, а вот ты – вряд ли»...

2 марта (18 февраля) 1878. Константинополь, дворец Долмабахче.

Мануэль Сильвела и Ле Вьеллэз, Государственный министр Испанского королевства.

Полковник Антонова Нина Викторовна, вице-канцлер Югороссии

На столе в маленьком и красиво оформленном кабинете стояли кофейник, чашечки, сахарница, молочница, вазочки с печеньями и с фруктами. Антонова пригласила донна Мануэля Сильвелу присесть на резной стул, обитый красным бархатом (наследство, доставшееся от султана Абдул Гамида), сама села напротив и сказала по-французски с очаровательной улыбкой:

– Я рада видеть вас, сеньор государственный министр. Надеюсь, вы благополучно добрались до Константинополя, и вам понравились ваши апартаменты.

– Благодарю вас, сеньора вице-канцлер, – с улыбкой, также по-французски, ответил Сильвела, для которого этот язык был не просто языком дипломатии, но и языком его детства. Ведь он родился в Париже и учился в Бордо, прежде чем вернуться в страну своих предков, в которой он достиг должности государственного министра (так в Испании называли главу внешнеполитического ведомства).

Сильвела был относительно молод – ему еще не было и сорока семи лет. До того, как он дослужился до своего высокого поста, он слыл покорителем женских сердец. Да и сейчас он еще нравился женщинам, даже признанным красавицам. Поэтому и в Югороссии он был готов пустить в ход весь свой мужской шарм, чтобы добиться успеха в переговорах. Но, увидев полковника Антонову, он, как опытный сердцевед, сразу понял, что, несмотря на всю ее миловидность и дружелюбие, с ней ему стоит выбрать иную манеру поведения. Мануэль Сильвела сумел разглядеть в вице-канцлере Югороссии несвойственную женщинам силу и твердость. Так что он стал сразу держаться с ней не как с представительницей прекрасного пола, а как с равным ему по опыту и силе духа политиком.

Все это, впрочем, не помешало ему при встрече галантно поцеловать руку сеньоры Нины и подарить огромный букет цветов и пару изящных изумрудных сережек, когда-то привезенных его прапрадедом из Новой Гранады. Тем более, что принимали его в Константинополе действительно с таким уважением, о котором он мог только мечтать в Париже или Лондоне.

– Конечно, – продолжил Мануэль Сильвела после короткой паузы, – в это время года море часто бывает бурным, но пароход, на котором я прибыл, оказался весьма удобным, и путешествие прошло вполне комфортно. А предоставленные мне гостевые покои оказались выше всяких похвал. Сеньора, я весьма благодарен за столь радушный прием, и надеюсь когда-нибудь расплатиться с вами той же монетой в Мадриде.

– Сеньор министр, – полковник Антонова была сама любезность, – я надеюсь посетить Мадрид в самое ближайшее время. Возможно, это будет не только Мадрид, но и некоторые другие города вашего прекрасного королевства. Такие, как, например, Гибралтар.

– Именно так, сеньора, – улыбнулся Сильвела, – мы ждем не дождемся того часа, когда над Гибралтаром после более чем полутора столетий вражеской оккупации снова взвевается испанский флаг. И, конечно же, мы помним все наши обязательства по нашему предыдущему

договору. Хочу добавить, что мы бы предпочли, если бы вы согласились на аренду Роты вместо Гибралтара. Причина простая: если мы, не успев вернуть Гибралтар, сразу отдадим его другой державе, пусть даже в аренду, наш народ этого может не и понять. А в Роте удобная гавань и намного больше места. Хватит и для вашей военно-морской базы, и для гражданского порта. Причем, как мы и договаривались ранее, мы готовы разрешить вам построить железную дорогу из Роты в Херес, через который проходит наша дорога из Кадиса в Севилью, и далее в Мадрид. В обмен на Гибралтар и на строительство дороги мы готовы назначить символическую арендную плату – скажем, тысячу песо в год. С условием, конечно, что сам город Рота в пределах городских границ не будет отдан в аренду и что вместе с флагом Югороссии над порто-франко будут висеть испанские флаги. Вне порто-франко и военно-морской базы будут действовать испанские законы, и любые товары, ввозимые на испанскую территорию, подлежат испанским таможенным сборам. Вот здесь – карты тех участков, которые мы готовы отдать в аренду Югороссии на этих условиях, а также топографическая карта местности между Ротой и Хересом. А вот карта Гибралтара, хотя, конечно, она не столь точна, как нам бы хотелось – все-таки крепость с 1713 года принадлежала британцам.

Сеньора Антонова, поблагодарив Сильвелу, долго и внимательно изучала карты. Минут через десять, она подняла голову и сказала:

– Что ж, сеньор министр, ваши условия более чем щедрые, хотя некоторые параметры прохождения границы арендованных нами участков, а также правовых гарантий нашего там нахождения неплохо было бы еще раз уточнить. Кроме того, я полагаю, что наша железная дорога должна будет дойти до самой Роты. Я отдам бумаги для доработки нашим специалистам и вашим людям. Уверяю, мы не хотим больше, чем вы предлагаете, просто важно, чтобы между нами не было никаких недомолвок. А сама церемония передачи вам Гибралтара, а также передачи Роты в аренду, состоится в скором времени – это я вам обещаю. Но у меня есть просьба: держите эти документы в секрете, особенно те, что касаются Гибралтара.

– Кроме меня, – ответил Сильвела, – об этом деле знает лишь Его Величество и трое моих самых доверенных сотрудников, которые сопровождают меня в этой поездке, а также господин посол.

– Очень хорошо, – кивнула полковник Антонова. – Сеньор министр, не так давно сеньор посол рассказал нам, что вы хотели бы передать Кубу в аренду Югороссии на девяносто девять лет...

– Именно так, сеньора вице-канцлер, – Сильвела перестал улыбаться, и лицо его стало серьезным и озабоченным. – Мы хотели бы поставить перед вами лишь одно условие – на острове должен чисто номинально присутствовать испанский генерал-губернатор в Гаване. Кроме того, Югороссия должна считать Кубу испанской территорией во время аренды, а также гарантировать возвращение Кубы Испании по истечению срока договора, если, конечно, наши потомки не договорятся о пролонгации договора об аренде по истечению срока действия нынешнего договора.

Сеньора Антонова кивнула и сказала:

– Ну что ж, мы внимательно обдумали ваше предложение и готовы на него согласиться при определенных условиях. А именно – пока будет действовать договор аренды, на Кубе будет применяться право Югороссии, а не Испании. Что касается присутствия на Кубе испанского генерал-губернатора, то мы согласны на это, и готовы оказывать ему все надлежащие почести в соответствии с его статусом. Но эта должность должна быть чисто номинальной, безо всяких реальных полномочий...

Сильвела улыбнулся и склонил голову в поклоне.

– Мы хотели бы, чтобы наш губернатор был представителем Испании при югоросской администрации Кубы, а также человеком, к которому смогут обратиться те, кто захочет вернуться в Испанию, либо у кого будут какие-либо имущественные или другие вопросы в Испа-

нии или других ее колониях. Ведь я надеюсь, что те, кто проживает в данный момент на Кубе, смогут сохранить и свое испанское подданство.

– Мы не возражаем, – полковник Антонова внимательно посмотрела на своего собеседника, – но все то время, пока постоянные жители Кубы будут находиться на острове, они будут рассматриваться нами как граждане югороссийской Кубы и никак иначе.

– Согласен, – кивнул Сильвела.

– Далее, – продолжила Антонова, – сразу после передачи острова Югороссии на Кубе будет полностью отменено рабство. Бывших рабов, а также ту часть креолов, которые захотят к ним присоединиться, мы предлагаем перевезти в Испанские Территории Гвинейского Залива. Насколько мы знаем, вы именно так и поступали в сорок пятом и шестьдесят первом годах. Мы готовы переправить их туда за свой счет, а также выдать им подъемные для обустройства на новом месте.

– А как насчет тех, кому эти рабы принадлежат в данный момент? – спросил Сильвела. – Некоторые из них, возможно, захотят покинуть Кубу и вернуться в метрополию.

– Вообще-то аренда предусматривает свободу реформировать Кубу так, как мы посчитаем нужным, – ответила полковник Антонова, и тут же успокоила насторожившегося испанца: – конечно же, при условии сохранения номинального испанского суверенитета, но без каких-либо других ограничений. Но в любом случае бывшим рабовладельцам мы выплатим определенную компенсацию – меньше, чем нынешняя рыночная стоимость рабов. Но ведь это гораздо лучше, чем освобождение вообще без компенсации, как это уже произошло на островах Карибского моря и в Северной Америке. Мы постараемся чтобы этот процесс прошел как можно деликатней и безболезненней, поскольку нам нужна успешная и процветающая Куба, а не земля, разоренная в результате революционных экспериментов.

Ее собеседник немного подумал и кивнул.

– Кроме того, – продолжила Антонова, – есть большая вероятность, что многие из тех белых, кто сегодня живет на Кубе, захотят переселиться в Испанию либо в какую-либо другую испанскую колонию, такую, например, как Пуэрто-Рико. Согласно нашим законам, мы готовы выкупить их земли и другое имущество по декларированной ими стоимости при выплате налогов за 1877 год. Как нам стало известно, большинство плантаторов резко занижают эту сумму. Пусть теперь это будет их проблемой. В договоре об аренде должно быть прописано, что только югоросские суды на Кубе и в Константинополе будут уполномочены решать любые вопросы, кроме тех, которые будут прописаны в договоре.

– И на это Его Величество согласен, – утвердительно кивнул Сильвела, – у него нет никакого желания защищать права тех, кто систематически обманывал испанское королевство.

– И, наконец, – завершила беседу полковник Антонова, – хочу вам напомнить, что мы так и не обсудили сумму арендной платы. Мы готовы платить не более пяти миллионов песет серебром ежегодно.

В лица испанского министра исчезла лучезарная улыбка. Он нахмурился.

– Сеньора вице-канцлер, – произнес он, – мы были готовы согласиться на пятнадцать миллионов песет ежегодно. Пусть даже десять. Но пять, увы – сумма слишком маленькая.

Антонова саркастически улыбнулась одними краешками губ.

– Сеньор министр, поймите. В данный момент Куба для вас – колония, которую вам придется субсидировать. Более того, никто не знает, как скоро наши и ваши «друзья» к северу от Кубы решат избавить вас от Кубы и Пуэрто-Рико. По крайней мере, аннексия обоих этих островов уже не раз обсуждалась их Конгрессом. И никто не знает, когда на Кубе вспыхнет новое восстание, тем более что эти самые «друзья» с севера сделают все, чтобы это восстание произошло. Потом они захватят острова, якобы во имя свободы и процветания местного населения. Более того, мы будем готовы защищать и Пуэрто-Рико, если позволят открыть там базу – например, на острове Вьекес.

Сильвела, подумал, вздохнул и повторил:

– И все-таки пять миллионов – это очень мало. Ладно, пусть будет не десять, пусть будет семь миллионов песет... Включая аренду базы на Вьекес.

Антонова очаровательно улыбнулась и кивнула.

– Хорошо, сеньор Сильвела, – сказала она. – Вот проект договора. Надеюсь, что там предусмотрено все, о чем мы говорили. И зовите меня просто Нина.

Сильвела углубился в чтение проекта договора. Его очень удивило, что там оказалось все, что они только что здесь обсудили, вплоть до ежегодной арендной платы в восемьдесят четыре тонны серебра в год – эквивалент семи миллионов песет.

– Однако, донья Нина! – удивленно воскликнул он, – оказывается, вы заранее предвидели, на каких условиях мы сможем с вами договориться! Я передам этот договор моим сотрудникам, и они смогут обсудить с вашими коллегами те или иные нюансы.

– Вот и отлично, – полковник Антонова и встала с и расправила складки своего платья. – А теперь, дон Мануэль, я хотела бы пригласить вас и господина посла на обед к адмиралу Ларионову. Там будет присутствовать и канцлер Югославии господин Тамбовцев. Если вас это устроит, то мы ждем вас к обеду в столовой дворца ровно через час.

4 марта (20 февраля) 1878 года, 23:35. Константинополь, госпиталь МЧС.

Два человека сидели за заваленными бумагами столом, при свете яркой электрической лампы прихлебывая горячий цейлонский чай. К чаю у них были свежие, божественно мягкие и воздушные кукурузные булочки и вазочка, полная отличного абрикосового варенья. Где то там, за стенами чисто побеленной саманной времянки, дул холодный мартовский ветер с редким дождем. А тут было тепло и уютно из-за потрескивающих в печке дров. У профессора Пирогова только что закончилась очередная срочная операция, а профессор Мечников совсем недавно покинул лабораторию, в которой поставил очередной опыт с дынной плесенью, которой в этих краях было хоть отбавляй.

Шестидесятивосьмилетний профессор Санкт-Петербургской медико-хирургической академии Николай Иванович Пирогов, отец военно-полевой хирургии, педагог, мэтр и прочая, прочая, прочая, и молодой, подающий большие надежды тридцатитрехлетний профессор Новороссийского университета в Одессе Илья Ильич Мечников, будущий отец отечественной микробиологии, облеченный доверием молодого русского императора – у одного из них впереди было почти сорок лет научной карьеры, другой сделал уже почти все, что мог в этой жизни, и теперь главной его заботой было передать свой опыт новому поколению хирургов. При этом оба они были учеными-медиками, верными клятве Гиппократова, готовыми положить жизнь в борьбе с самыми опасными недугами человечества.

Познакомились они не вчера. После окончания в 1864 году Харьковского университета Илья Ильич Мечников был направлен для продолжения обучения в Германию, где и встретился с Пироговым, который от Министерства народного просвещения надзирал там за обучением будущих русских профессоров. За те три года, в течение которых Илья Ильич повышал свою квалификацию в Германии, он открыл феномен внутриклеточного пищеварения, новые классы беспозвоночных, и методами эмбриологии доказал единство происхождения позвоночных и беспозвоночных животных. Но то были дела давно минувших лет. Сейчас же этих двух знаменитых ученых волновали научные проблемы ближайшего и отдаленного будущего.

– Илья Ильич, голубчик, – сказал своему молодому коллеге Пирогов, отхлебнув чаю, – только на вас одного надежда. Сколько раз бывало, что, несмотря на все предосторожности, успешно проведенная операция заканчивалась гангреной и смертью больного. А что уж говорить о раненых на поле боя пулей или осколком снаряда... Ведь при этом часто в рану попадают клочья мундира, куски кожи от амуниции, земля и всякая грязь, которую хирург просто не состояний оттуда извлечь. Запасы лекарств у наших потомков, как бы велики они не были,

однажды закончатся, и только ваша работа может дать нам надежду на излечение множества страждущих.

– Да что вы, Николай Иванович... – смутился Мечников, – я пока всего лишь скромный ученик, который пытается освоить знания, добытые чужим умом и трудами. Кое-что у меня получается, не без того. Но до благополучного завершения работы мне и моим помощникам еще трудиться и трудиться.

– Не скромничайте, голубчик, не скромничайте, – по-отечески проворчал Пирогов, – если кто и сможет справиться с этим делом в самые кратчайшие сроки, так это вы. Мне ли, старику, стоявшему у истоков вашей научной карьеры, об этом не знать. Скромность, знаете ли, украшает человека. Но нельзя и перебарщивать с этим украшением.

– Вы сильно преувеличиваете, Николай Иванович, – тяжело вздохнул Мечников. – Я все равно неудовлетворен существующим положением дел, несмотря на то, что первоначальная работа над веществом, выделяемым из культуры паразитирующих на дынях плесневых грибов из рода *Penicillium*, в самом разгаре. Мы уже определили нужный нам грибок и перешли к разработке технологии по очистке конечного продукта. На самом же деле это было не так уж сложно, поскольку нужная нам плесень буквально вездесуща, и в скором времени мы сможем поставить с ее помощью заслон множеству болезней: пневмонии, тифу, и даже так не любимой вами гангрене.

Мечников печально вздохнул и снова отхлебнул горячего чая.

– Несмотря на этот несомненный успех, Николай Иванович, – сказал он, – я все же нахожусь в некотором расстройстве. Ведь лекарство, которое мы рассчитываем получить из этих грибов, будет абсолютно бессильно против такого бича человечества как чахотка. С тех пор как умерла моя горячо любимая Людмила Васильевна, я дал себе клятву обязательно победить эту страшную напасть, с одинаковой легкостью отправляющую в могилу нищих и богатых, простых людей и представителей королевских фамилий.

– Сочувствую вашему горю, Илья Ильич, – участливо кивнул головой Пирогов, – но, насколько мне известно, то лекарство, с которым вы работаете сейчас, тоже немало для вас значит. Ведь оно должно излечивать больных брюшным тифом, от которого едва не умерла ваша вторая жена Ольга Николаевна. Да и сами вы тогда чуть было не отдали Богу душу.

– Когда Ольга заболела тифом, я был в таком отчаянии, что сам добровольно выпил культуру тифозных бацилл, – признался Мечников. – Но все кончилось хорошо. Очевидно, Бог сжалился над нашей семьей, и мы оба остались живы.

– Илья Ильич, хорошо все, что хорошо кончается, – произнес Пирогов, назидательно подняв вверх указательный палец, после чего заметил: – Кстати, о чахотке. В мире потомков чахотка уже побеждена, пусть даже и не окончательно. Неужели они не раскрыли перед вами секрет своего чудо-лекарства?

– Раскрыли, Николай Иванович, – воскликнул Мечников, потрянув своей черной как смоль бородой. – Но работа с бактериями из рода *Streptomyces*, способными дать требуемое нам лекарство, пока еще лишь в самом начале. Вы представляете себе – подобных бактерий имеется более шестисот видов, но не более дюжины из них могут быть полезными человеку. К сожалению, среди потомков не нашлось ни одного моего коллеги-микробиолога, и теперь для получения лекарства нам придется перебрать огромное количество бактерий, большинство из которых абсолютно бесполезны для борьбы с болезнетворными бактериями.

– Илья Ильич, Илья Ильич... – тяжело вздохнул Пирогов, – вы еще так молоды, и у вас все еще впереди. Послушайте меня, старика. Самое главное – будьте внимательны и дотошны в делах, и успех, несомненно, вас не минует. Разумеется, чахотка, или как ее называют потомки, туберкулез, в свое время тоже будет побежден. И в этой победе, несомненно, будет доля и вашего труда. Чудес на свете не бывает, и лишь тяжелым повседневным трудом можно найти

путь к успеху. Кстати, сколько бактерий пришлось перепробовать открывателю лекарства против чахотки в том мире, и сколько у него ушло на это времени?

Мечников порылся в стопке лежащих на столе бумаг и извлек на свет нужный листок.

– Э-э-э, Николай Иванович, – произнес он, – в конце тридцатых годов XX века, группа американских микробиологов работавшая под руководством уроженца Российской империи Зельмана Ваксмана, по заказу Американской ассоциации по борьбе с туберкулезом, после семи лет предварительных работ за четыре года поисков перебрала более десяти тысяч видов почвенных бактерий, которые были кандидатами на роль источника требуемого лекарства. Одни из обнаруженных препаратов были слишком токсичными для человека, другие имели слишком слабый эффект. И только к концу этого четырехлетия был получен препарат, получивший название стрептомицин. Еще три года ушло на клинические испытания и подготовку производства. И лишь через четырнадцать лет с начала поиска данный препарат начал применяться для борьбы с туберкулезом и проказой.

– Вот, Илья Ильич! – сказал Пирогов, поставив чайник на блюдце, – без помощи со стороны вашим американским коллегам потребовалось четырнадцать лет для достижения успеха. Я, знаете ли, верю, что у вас все пройдет значительно быстрее, и уже через три-четыре года вы дадите человечеству лекарство против чахотки. И оно будет вам благодарно. Да-с! А пока не забивайте себе голову ерундой и идите, ложитесь спать. Ваша юная супруга Ольга Николаевна, наверно, вас уже заждалась. Ей-Богу, пока еще не поздно, осчастливили бы себя и нас двумя-тремя, а можно и поболее, детишками, ибо велел Господь – плодитесь и размножайтесь. А умным людям, вроде вас, эта заповедь вдвойне полезна, ибо в противном случае на Земле останутся одни дураки.

7 марта (23 февраля) 1878. Константинополь. Дворец Долмабахче.

Генерал-майор и Харьковский губернатор Дмитрий Николаевич Кропоткин

Вот так, волею судьбы и государя-императора, я оказался в Константинополе, столице нового государства Югороссии. А все началось с того, что я отправил свою дочь Александру в поездку по Европе, дабы девица посмотрела мир и могла получить яркие впечатления от знакомства с мировыми центрами науки и просвещения.

Именно там, во время своего вояжа во Францию, моя дочь познакомилась с неким молодым человеком, оказавшимся офицером с легендарной эскадры адмирала Ларионова – главы Югороссии. Ну, я все прекрасно понимаю – дело молодое, девушка ищет себе рыцаря без страха и упрека, который служил бы ей и поклонялся ее красоте. Молодость, она тем и хороша. Потом пройдет немного времени, и у девушки появится новый поклонник, а старый будет благополучно забыт. А там, глядишь, подвернется жених из приличной семьи, мы с моей супругой выдадим ее замуж и будем нянчиться с внуками...

Но все оказалось гораздо серьезней. Сашенька, похоже, не на шутку влюбилась в этого Виктора Брюсова. Ее словно подменили. Она уже не желала посещать балы и театры, а сидела тихо дома у окна, и о чем-то молча думала. Я попробовал серьезно поговорить с ней о ее будущем, о том, что недалек тот час, когда ей пора будет выйти замуж и покинуть родительский кров. Но она во время нашего разговора вдруг разрыдалась, да так, что мне едва ее удалось успокоить. Потом Сашенька призналась, что она любит одного лишь Виктора, и ни за кого другого выходить замуж не собирается.

Неожиданно я получил письмо от канцлера Российской империи графа Игнатьева. Николай Павлович вспомнил наших общих знакомых, передал мне от них поклоны и пригласил при случае заглянуть к нему в гости, если я окажусь в Петербурге с оказией. А в конце этого, казалось бы, ни к чему не обязывающего письма, была приписка: *«Дмитрий Николаевич, я слышал, что Ваша дочь Александра познакомилась в Париже с одним весьма достойным молодым человеком – Виктором Брюсовым. Хочу сообщить Вам, что сей юноша по своему происхожде-*

нию вполне достоин занять трон одного из европейских государств. Впрочем, об этом я хотел бы переговорить с Вами при личной встрече».

Сказать честно, любезный Николай Павлович весьма меня озадачил, если не сказать больше. Я оставил дочь в покое, а как только по делам службы мне потребовалось посетить Петербург, немедленно туда отправился, послав записочку графу Игнатьеву с сообщением о своем прибытии. Вечером того же дня я получил от него приглашение отобедать.

Канцлер Российской империи встретил меня как старого друга. Он пригласил меня к столу, который был сервирован на три персоны. На мой немой вопрос, кто еще разделит с нами трапезу, граф лишь таинственно подмигнул.

Не успели мы сесть за стол, как дверь в столовую распахнулась, и вошел... сам Государь. Он доброжелательно кивнул в ответ на мой поклон и сел за стол. Слуги стали подавать блюда.

Император сам начал разговор, ради которого, собственно, меня и пригласили в Петербург. Для начала он поинтересовался ходом дел в моей губернии, спросил о здоровье супруги и детей – сына Николая и дочери Александры. Я сразу понял, о чем далее пойдет речь. И не ошибся.

– Скажите, Дмитрий Николаевич, – спросил он, – а как вы относитесь к тому, что ваша дочь Александра состоит в переписке с офицером из Югоросии?

Я немного замялся. Дело в том, что только от государя я узнал, что Сашенька переписывается с Виктором Брюсовым. Ай да хитрюга! Ай да тихоня! Обидно только, что государь знает об их тайной переписке, а родной отец ничего не ведает...

Заметив, что выражение моего лица изменилось, государь улыбнулся и сказал:

– Дмитрий Николаевич, вы не сердитесь на вашу дочь. Похоже, она сделала правильный выбор. Виктор Брюсов – достойный молодой человек, к тому же из славного рода королей Ирландии и Шотландии. Вы, наверное, знаете, что Ирландия бурлит недовольством, и там вот-вот может вспыхнуть восстание против британской деспотии. А если Ирландия станет свободным государством, то на ее трон может быть приглашен... Вы, наверное, догадались, кто может стать королем Ирландии?

И государь хитро посмотрел на меня. У меня перехватило горло и гулко забилося сердце. Получается, что моя дочка, выйдя замуж за этого Виктора Брюсова, станет королевой Ирландии! Я хотел найти для нее подходящую партию – ведь род наш идет от самого Рюрика – но на такое даже и не надеялся!

Но потом я задумался. Насколько я помнил, род Брюсов, потомков сподвижника императора Петра Великого, в России пресекся еще в конце прошлого века.

Я осмелился спросить об этом государя. Император переглянулся с графом Игнатьевым, и после небольшой паузы Николай Павлович сказал:

– Видите ли, Дмитрий Николаевич, действительно, род потомков короля Ирландии Эдуарда Брюса в Российской империи пресекся. Но это совсем не значит, что в других странах не осталось потомков этого храброго короля, убитого британцами в битве при Фогхарте в 1318 году. Одним из таких наследников Эдуарда Брюса и является Виктор Брюсов. Да, он не поданный Российской империи, а югоросс.

– Так кто же такие эти самые югороссы?! – воскликнул я. – О них так много говорят, и порой я читаю в газетах о них такое, что просто отказываюсь верить в то, что там написано!

Государь и канцлер опять переглянулись.

– Дмитрий Николаевич, – произнес император, отодвигая тарелку. – Я бы посоветовал вам совершить небольшое путешествие в Константинополь, чтобы поближе познакомиться с этими самыми югороссами. Думаю, что такая поездка пойдет вам на пользу. Заодно вы можете взять с собой и вашу дочь. Ей тоже будет интересно посмотреть на соотечественников своего жениха. Ведь, как я понимаю, вы, Дмитрий Николаевич, уже не будете возражать против брака вашей дочери с Виктором Брюсовым? Если это так, то я завтра же вручу вам официальное

приглашение посетить Константинополь, направленное лично вам канцлером Югороссии господином Тамбовцевым.

Мне осталось лишь кивнуть головой в знак согласия. Было очевидно, что из-за сердечной привязанности моей Сашеньки наша семья оказалась втянутой в хитросплетения международной политики.

Прошло несколько недель после той беседы в Петербурге. И вот мы наконец добрались до Константинополя. Прежде всего меня удивили чистота и порядок в этом восточном городе. Не в каждой европейской столице можно чувствовать себя так комфортно и безопасно. Многие из того, что я здесь увидел, неплохо было бы ввести и у нас в Харькове.

Уже на причале нас встретил посланец канцлера Югороссии и препроводил меня с дочерью в гостиницу. Там нам дали время отдохнуть с дороги и привести себя в порядок. Аудиенция у канцлера была назначена на вечер следующего дня. Так что у меня и у Сашеньки днем было немного свободного времени, чтобы провести небольшую экскурсию по Константинополю и познакомиться с его достопримечательностями.

Меня поразили корабли югороссов, стоящие на рейде, и особенно один просто циклопических размеров. Мне удалось увидеть, как с его палубы, напоминающей ипподром, взлетел какой-то аппарат, похожий на огромную стрекозу. Он поднялся в небо и стал совсем маленьким.

Удивило меня так же и то, что никто из местных жителей даже не обратил внимания на это фантастическое зрелище. Видимо, оно было настолько обыденным здесь, что его уже перестали замечать. Потом мы с Сашенькой зашли в храм Святой Софии, над которым возвышался православный крест, и помолились там под огромным сводом этого знаменитого собора, построенного еще при византийском императоре Юстиниане.

А вечером, в назначенное время я подошел к воротам дворца Долмабахче, в котором располагалась резиденция канцлера Югороссии. Часовой, стоявший у входа во дворец, выслушав меня и прочитав приглашение господина Тамбовцева, достал из кармана маленькую черную коробочку и сообщил в нее о моем прибытии. Выслушав ответ, он сделал приглашающий жест.

Я прошел в великолепный сад, когда-то принадлежавший турецкому султану. В глубине сада меня ожидал пожилой седобородый мужчина с широкой и открытой улыбкой. Он сердечно пожал мне руку и представился:

– Александр Васильевич Тамбовцев, канцлер Югороссии и ваш покорный слуга. Если вы не возражаете, то мы прогуляемся немного по этому прекрасному парку, после чего пройдем ко мне, чтобы продолжить нашу беседу и выпить чашку отличного чая.

Я кивнул, и мы с господином Тамбовцевым не спеша пошли по дорожке, посыпанной желтым песком...

8 марта (24 февраля) 1878. Константинополь. Дворец Долмабахче.

Дочь Харьковского губернатора девица Александра Дмитриевна Кропоткина

Вот я и очутилась в Константинополе, о котором мне так много писал Виктор. Боже мой, как бы я хотела увидеть здесь его самого! Но, как я поняла, он сейчас, словно древний викинг, отправился завоевывать себе королевство с оружием в руках.

Я, конечно, уже о многом догадывалась. Правда, то, что я узнала здесь, превзошло все мои ожидания. Мой батюшка, встретившись вчера вечером с канцлером Югороссии господином Тамбовцевым, пришел в гостиницу уже за полночь. Я сквозь сон услышала, как открылась дверь в гостиную. Потом он прошел в свою спальню, где пытался уснуть, но, похоже, сон к нему не шел. Он долго ворочался на своей постели, потом встал, прошел снова в гостиную и там закурил.

Мне очень хотелось тоже встать и выйти к нему в гостиную, чтобы поговорить и узнать, о чем он беседовал с югоросским канцлером. Однако, поразмыслив, я решила, что лучше с

ним об этом потолковать завтра, когда он немного успокоится. Вскоре я уснула, и проспала почти до полудня.

Разбудил меня батюшка, осторожно постучав в дверь моей спальни.

– Сашенька, пора вставать, – сказал он ласково. – У нас с тобой сегодня очень важная встреча.

Я нехотя выползла из-под теплого одеяла и потянулась.

– Сейчас, батюшка, – крикнула я, – подожди немного. Я только умоюсь и оденусь.

Отец терпеливо дожидался, когда я буду готова. Выйдя в гостиную, я увидела, что он сидит в кресле у окна и читает сегодняшние газеты. Время от времени он морщился – видимо, еще не привык к несколько необычной местной орфографии. Получая письма от Виктора, я тоже не раз спотыкалась, наткнувшись на весьма своеобразное написание некоторых слов. Это, и еще некоторые, весьма отличные от наших общепринятых, манеры поведения, убедили меня в том, что югороссы – это не совсем русские.

– Дочка, – неожиданно строго сказал мне батюшка, – вчера я был приглашен поужинать к господину Тамбовцеву. Ты ведь знаешь, кто это?

Я кивнула, и он продолжил:

– Так вот, от него я узнал, кто такой Виктор Брюсов, и кем он может стать в самое ближайшее время. И потому я хочу спросить у тебя, дочка: ты любишь этого человека?

Я почувствовала, как вдруг вспыхнули мои щеки, а сердце в груди застучало быстро-быстро. Смахнув невесть откуда взявшуюся слезу, я зажмурилась, вздохнула и, словно бросаюсь в ледяную воду, произнесла:

– Да, папенька, я его люблю, очень люблю...

Не жива и не мертва, я стояла, ожидая, что гнев моего любимого батюшки сейчас обрушится на меня. Но в гостиной было тихо, подозрительно тихо, лишь тиканье больших настенных часов монотонно и бесстрастно разбивало время на секунды, подчеркивая остроту момента...

Я осторожно открыла глаза... Папенька стоял рядом и с улыбкой смотрел на меня.

– Ну, что ж, доченька, если ты любишь его, а он любит тебя – так, во всяком случае, об этом сказал мне вчера господин Тамбовцев – то мне остается лишь благословить вас. Совет вам да любовь. Я не буду препятствовать вашему браку, – сказал он тихим и неожиданно добрым голосом.

Тут случилось то, о чем я потом вспоминала с краской стыда. Я завизжала от радости, запрыгала как маленькая девочка, а потом бросилась на шею батюшке. От неожиданности он чуть не упал, однако не спешил пресекать мои восторги – он довольно улыбался, понимая, что только что сделал меня самым счастливым человеком на свете.

Потом, когда он и я немного успокоились, батюшка поведал мне, о чем он вчера беседовал с канцлером Югороссии. Главным образом разговор шел обо мне и о Викторе – моем Викторе! Действительно, как я и предполагала, ирландцы готовятся поднять восстание против британцев. Виктор Брюсов отправился в Ирландию, чтобы возглавить восставших, а потом, когда восстание победит, и англичане будут изгнаны с острова, его коронуют, и он станет полноправным ирландским монархом.

Господин Тамбовцев по секрету сказал, что после этого Ирландское королевство будет признано Югороссией и Российской империей. Для начала этого вполне достаточно. Другие страны рано или поздно последуют их примеру.

Став королем Ирландии, Виктор должен найти себе королеву. И этой королевой буду я! И мой батюшка чрезвычайно доволен этим. Ведь наш род знатен, и мой брак с потомком ирландских королей не будет выглядеть неравным. Кропоткины – из рода Рюриковичей, а моя матушка, в девичестве фон дер Борх, принадлежала к немецкой ветви знаменитого и древнего рода Борджиа. Один из фон дер Борхов даже был магистром Ливонского ордена.

Кстати, среди моих предков по матери были и ирландцы. Ее бабушка – дочь графа Ласси, дослужившегося при императрице Анне Иоанновне до чина генерал-фельдмаршала. А Ласси – древний нормандский род, издревле обосновавшийся в Ирландии. Мой прапрадедушка гордился бы мною, узнав, что его праправнучка станет королевой Ирландии.

Батюшка также сказал мне, что канцлер Тамбовцев пригласил нас на обед во дворец Долмабахче, где будет присутствовать адмирал Ларионов – глава Югороссии. Адмиралу очень хотелось познакомиться со мной. Батюшка так же намекнул мне, что господин Ларионов – весьма умный и авторитетный человек, с мнением которого считается даже государь-император.

И вот я во дворце, который совсем недавно принадлежал турецкому султану. Адмирал Ларионов оказался добрым и улыбочивым человеком, и сразу произвел на меня хорошее впечатление. Похоже, что и я понравилась ему. Он сделал мне несколько комплиментов и предложил отведать ароматного чаю с вкусными пирожными.

С моим батюшкой адмирал разговаривал уважительно и серьезно, и посоветовал ему беречь себя, а также усилить охрану.

– Дмитрий Николаевич, – сказал он, – по имеющейся у нас информации, на вас, возможно, будет совершено покушение. Я хотел вас предостеречь, и посоветовал бы не появляться в городе без охраны. Господин Тамбовцев передаст вам специальный жилет, который можно поддевать под мундир. Этот жилет не будет мешать вам в повседневной жизни, и в то же время обезопасит вас от выстрелов из пистолета. Поверьте, мое предупреждение основано на вполне достоверной информации. Граф Игнатьев подтвердит вам, что я редко ошибаюсь в своих предсказаниях.

Потом адмирал задумался и добавил:

– Дмитрий Николаевич, а что если вам, после того как ваш будущий зять станет королем Ирландии, отправиться вместе с прелестной мадмуазель Александрой в Дублин? Я полагаю, что вы, с вашим опытом, могли бы оказать немалую помощь молодому Ирландскому королевству.

Батюшка попытался было возразить: дескать, в России не принято искать службу за пределами империи, на что адмирал Ларионов сказал, что никто не намерен требовать от него сменить подданство. А он берется уладить этот вопрос с императором Александром.

По лицу батюшки я поняла, что предложение адмирала Ларионова пришлось ему по душе.

Там же, чуть позднее, мы познакомились с великой княгиней Болгарской Ириной, кстати, югоросской, и ее супругом – Сергеем Максимилиановичем, бывшим герцогом Лейхтенбергским. Они пришли, чтобы побеседовать с адмиралом Ларионовым.

Мы с батюшкой откланялись, а великая княгиня Ирина шепнула мне на прощанье, чтобы я завтра заглянула к ней поговорить о наших, чисто женских делах. Приглашение я приняла с большим удовольствием.

10 марта (26 февраля) 1878 года. Утро. Санкт-Петербург, Галерный островок.

Низкое серое небо сыпало мелкой снежной крупой. По юлианскому календарю шел конец февраля, по григорианскому – начало марта. Эта весьма условная календарная весна ничуть не влияла на погоду, которая, как это часто бывает в Питере, по-прежнему оставалась вполне зимней. Но тут, в крытом эллинге, где готовились к закладке первого в балтийской серии дальнего парусника-виндjamмера под рабочим названием «Транспорт», было относительно тепло и сухо. Гудели огнем расставленные повсюду железные печи, рдели угли в кузнечных горнах, где раскалялись добела головки заклепок.

Отдельно от всех, в углу, ожидал своего выхода батюшка со служками и церковным хором, готовый, как и подобает в таких случаях, отслужить молебен перед началом работ и освятить процесс закладки корабля.

Распоряжался в эллинге генерал-лейтенант корпуса корабельных инженеров Иван Сергеевич Дмитриев – один из самых опытных русских кораблестроителей этого времени, начавший свою службу еще 1814 году, в возрасте одиннадцати лет, с должности ученика тиммермана, то есть старшего корабельного плотника, на Николаевских верфях Черноморского адмиралтейства. С тех пор минуло без малого шестьдесят пять лет, деревянные парусники почти полностью сменили – сперва деревянным колесным, а затем и железным винтовым парходам.

Впереди было время стали и пара, но Иван Сергеевич не чувствовал себя лишним человеком и в этом новом мире. Дожив до седых волос, он не стеснялся учиться всему новому, что появлялось в кораблестроительном деле. Так, с 15 июня 1868 года он состоял председателем корабельного отделения морского технического комитета и занимался на этой должности в основном подготовкой к строительству железных паровых судов... Именно под его руководством были построены первый в России и сильнейший на то время в мире башенный броненосец «Петр Великий», а также первый в мире броненосный крейсер «Генерал-Адмирал».

Помогал генерал-лейтенанту Дмитриеву молодой тридцатитрехлетний корабельный инженер Николай Евлампиевич Кутейников. Третий участник того памятного совещания у молодого государя Александра III, кораблестроитель и вице-адмирал Андрей Александрович Попов находился сейчас в Николаеве, где со дня на день должна была состояться закладка головного корабля черноморской серии океанских скоростных грузовых парусников. Собственно, это должен был быть один общий проект, возможно, с незначительными вариациями в соответствии с местными условиями.

Строили виндjammer в том самом эллинге, в котором шесть лет назад строился корпус «Петра Великого», который тогда назывался просто «Крейсером». Корпус виндjamмера был почти той же длины, как у первого русского броненосца, и прекрасно помещался в подготовленный для него элинг. А еще тут был наиболее опытный в России инженерно-технический персонал и самые подготовленные рабочие. Как-никак, это было одно из самых первых судостроительных предприятий России, основанное еще Петром Великим. Именно из этих соображений постройку корпуса прототипа всей серии и отдали сюда, на Галерный островок. Пусть пока на кильблоках лежали только первые секции наборного стального киля, но если закрыть глаза, то можно было увидеть величавый четырехмачтовый красавец-парусник, стремительно рассекающий обтекаемым белоснежным корпусом океанские волны, перевозящий в своих необъятных трюмах груз русской ржи и пшеницы, чилийской селитры, бразильского каучука или кофе, китайского и индийского чая.

Впрочем, при общей полезной нагрузке в четыре тысячи метрических тонн это судно можно было использовать и как войсковой, и как переселенческий транспорт. И даже как пассажирское судно, с учетом того, что его необъятные трюмы на уровне второй и третьей палуб смогут вместить большие запасы продовольствия, фуража и пресной воды.

Суэта в эллинге достигла максимума, когда в его приоткрытых воротах показались генерал-адмирал и великий князь Константин Николаевич, а также его венценосный племянник, император Александр III. Пройдя по специально для него раскатанной ковровой дорожке, император и его августейший дядя, курировавший в семье военно-морское ведомство, прошли к будущей носовой части корабля, где рабочие уже готовили к сборке первые элементы наборного стального киля.

Там же лежала специальная серебряная закладная доска, на которой гравер изобразил силуэт будущего парусника, его название – «Афанасий Никитин», и год закладки – 1878-й. Такая доска должна была быть привинчена к килю закладываемого корабля у форштевня.

Копии этой доски полагалось поднести в дар императору, генерал-адмиралу, главному конструктору и его помощнику, надзирающему за постройкой.

Но первым за дело взялся батюшка. Все присутствующие, от императора до последнего подсобного рабочего, обнажили головы. Под пение церковного хора, в облаке сладковатого дыма из кадила протоиерей, читая молитву, шел вдоль будущего киля, густо кропя все вокруг себя святой водой и наполняя помещение ароматом мирры и ладана, на какое-то время перебивших царящий здесь и ставший привычным запах стальной окалины и машинного масла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.